

Св. Григорій Чудотворецъ, епископъ неокесарійскій, и приписываемыя ему проповѣди.

Святый Григорій Чудотворецъ былъ однимъ изъ ближайшихъ и преданнѣйшихъ учениковъ Оригена. Ему онъ обязанъ былъ своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ, и до конца жизни сохранялъ память о своемъ учителѣ, полную благодарной любви и уваженія. Между всѣми отцами третьяго вѣка онъ выдается даромъ краснорѣчія, и по силѣ своего ораторскаго таланта долженъ занимать видное мѣсто въ исторіи церковнаго краснорѣчія III вѣка. Отъ него не дошло столько произведеній, входящихъ въ кругъ исторіи проповѣди, сколько дошло ихъ отъ Оригена, и даже дошло ихъ сравнительно очень мало. Но что дошло, то показываетъ въ немъ человѣка, болѣе и лучше Оригена владѣвшаго художественнымъ словомъ.

Св. Григорій Неокесарійскій происходилъ изъ знатной фамиліи неокесарійской. Отецъ его, жившій въ язычествѣ, не предполагалъ, что изъ его сына, называвшагося до христіанства Теодоромъ, выйдетъ знаменитый епископъ христіанскій. Онъ предназначалъ для него судебную или адвокатскую карьеру, бывшую въ то время одною изъ самыхъ видныхъ, и въ видахъ будущей успѣшной дѣятельности его на общественномъ поприщѣ хотѣлъ дать ему широкое образованіе, какъ общее, такъ въ частности юридическое. Но онъ скоро умеръ, и мать Григорія, оставшись вдовою, рѣшила слѣдовать, по отношенію къ воспитанію своихъ дѣтей, тому плану, какой начерталъ для нихъ ихъ отецъ. (У

Григорія былъ братъ Аениодоръ, впоследствии епископъ Понта). И мы видимъ, что Григорій Неовесарійскій въ юные годы весь предался наукъ. По словамъ св. Григорія Нисскаго (въ его словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца)¹⁾, въ молодые годы онъ отложилъ все, чѣмъ увлекается юношескій возрастъ, и весь устремился къ стяжанію мудрости. Послѣ посѣщенія школъ въ своемъ родномъ городѣ, онъ для дальнѣйшаго образованія отправился въ другія страны, славившіяся науками, и жилъ нѣкоторое время въ Александріи, куда отсюду стекалось юношество учиться философіи и врачебной наукѣ. Богатый юноша на чужбинѣ велъ въ высшей степени строгую и нравственную жизнь, и не принималъ участія въ тѣхъ удовольствіяхъ, каковымъ свободно предавались другіе юноши,—его товарищи, и возбуждалъ даже со стороны ихъ неудовольствіе на себя за то, что не хотѣлъ жить, какъ другіе, будучи такимъ образомъ какъ бы укоризною * для неразумныхъ. Онъ стремился еще въ Беритъ, гдѣ была юридическая школа, и Римъ, для болѣе основательнаго изученія римскаго права. Но Промыслъ судилъ иначе. Ему вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аениодоромъ случилось быть въ Кесаріи Палестинской, гдѣ мужъ ихъ сестры занималъ видное мѣсто въ тамошней гражданской администраціи. Здѣсь встрѣчаются они съ Фирмилианомъ, однимъ изъ благородныхъ юношей каппадокійскихъ, бывшимъ впоследствии епископомъ каппадокійскимъ, и узнаютъ отъ него, что въ Кесаріи живетъ знаменитый христіанскій философъ Оригенъ. Влекомые стремленіемъ въ мудрости, они стараются войти въ сношенія съ славнымъ учителемъ, и всѣ трое являются къ нему, какъ къ главному въ то время руководителю въ христіанской философіи. Послѣ первыхъ бесѣдъ Оригена съ ними, они, по словамъ самаго Григорія, оказались, какъ птицы, пойманныя въ клѣтку; привлекательная сила глубокаго и многосвѣдущаго ума Оригена

¹⁾ Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. 45. Твор. св. Григорія Нисскаго, ч. 8. стр. 134—5.

такъ обаятельно подѣйствовала на нихъ, что они забыли и Берить и римское право и рѣшились учиться мудрости у Оригена. Оригенъ не имѣлъ и не устроилъ въ Кесаріи такой регулярной школы, какова была школа александрійская, гдѣ онъ былъ прежде учителемъ, и каковы были во многихъ городахъ школы языческія, посѣщаемыя юношествомъ, ищущимъ образованія. Но всюду, куда онъ ни являлся, вокругъ него собиралась группа людей, стремящихся къ знанію и ищущихъ истины: умъ широкій, стояцій на высотѣ современнаго образованія, владѣвшій всесторонними свѣдѣніями, любившій изслѣдывать предметы до ихъ послѣднихъ глубокыхъ основаній, и въ тоже время пріятный и общительный, онъ, какъ магнитъ, притягивалъ къ себѣ всѣхъ, желавшихъ образованія, и изъ бесѣдъ съ нимъ, какъ изъ источника, жаждущіе истины черпали то, что служило къ обогащенію ихъ знаній, къ разъясненію и разрѣшенію темныхъ вопросовъ, къ исправленію и расширенію ихъ воззрѣній. Такимъ образомъ безъ нарочитаго намѣренія Оригена, тамъ, гдѣ онъ жилъ, сама собою составлялась своего рода школа, или нѣчто высшее обыкновенной школы; такъ какъ къ нему являлись для ученыхъ бесѣдъ не простые, только начинающіе образованіе, мальчики, а люди уже зрѣлые, болѣе или менѣе овладѣвшіе внѣшнею мудростію,—и ученіе ведется у него не путемъ страдательнаго усвоенія уроковъ, а путемъ свободнаго взаимнаго обсужденія предметовъ вѣдѣнія. Цѣлыхъ пять лѣтъ провелъ Григорій Неокесарійскій вблизи Оригена, слушая его бесѣды,—и ученіе, преподаваемое ему Оригеномъ, было заключеніемъ того широкаго курса образованія, какой проходилъ онъ въ своей юности. Оно обнимало весь циклъ тогдашняго образованія: обозрѣвая всю широту его, переходя съ своими собесѣдниками отъ одной ступени къ другой, Оригенъ старался исправлять ихъ въ мысляхъ и сужденіяхъ, устанавливая истинную точку зрѣнія на предметы вѣдѣнія, и показывая надлежащее соотношеніе ихъ между собою. Сначала

онъ старался внушить своимъ ученикамъ любовь къ истинѣ и горячее желаніе трудиться для познанія верховнаго блага. Хвала любомудріе и тѣхъ, которые цѣнятъ его, Оригенъ замѣчалъ, что первый шагъ, какой должно дѣлать разумное существо, есть знаніе самаго себя, и что нѣтъ ничего болѣе смѣшнаго для человѣка, какъ желать знать, что внѣ его, и не знать того, что важнѣе всего для него, и что должно составлять его собственное благо. Общія разсужденія Оригена о философіи и ея задачѣ, по словамъ св. Григорія, воспламенили его сердце и проникли его самою живою страстію столько же къ ученію, сколько и къ учителю. Привязавъ къ себѣ молодыхъ любителей мудрости, Оригенъ проходилъ съ ними логику, научая ихъ не допускать и не отвергать никакого доказательства легкомысленно, но основательно взвѣшивать силу умозаключеній, проходилъ философію естественную, указывая въ природѣ безпредѣльное могущество и мудрость Божію, и заставляя удивляться Творцу, при разсмотрѣніи удивительныхъ дѣлъ творенія,—проходилъ математику, обвинявшую въ себѣ геометрію и астрономію. За тѣмъ онъ разбиралъ начала нравственности, научая искусству умѣрять страсти, возвышаться надъ слабостями человѣческими, и трудиться надъ тѣмъ, чтобы приблизиться къ Божеству и сохранить въ себѣ Его образъ. Это былъ курсъ, такъ сказать, приготовительный: мудрый учитель какъ бы по ступенкамъ лѣстницы велъ своихъ учениковъ къ познанію небесныхъ вещей. Самое главное и существенное познаніе, на которомъ послѣ долгаго приготовленія сосредоточивалъ Оригенъ вниманіе своихъ учениковъ,—это познаніе первой причины. Въ этомъ главномъ курсѣ Оригенъ сначала излагалъ то, что философы и поэты сказали о Божествѣ, подвергая ихъ ученіе строгой и основательной критикѣ. Онъ представлялъ, что хорошо знать то, что есть истиннаго и ложнаго въ ученіи каждаго, и хотѣлъ, чтобъ его ученики знали и испытывали всѣ пути, по какимъ другіе шли къ истинѣ; но въ тоже время съ предо-

осторожностію направлялъ ихъ по этимъ путямъ и какъ бы руководилъ ихъ по обширному лабиринту системъ человеческихъ. Только одни ученія атеистическія, т. е., одни ученія тѣхъ, которые отвергали бытіе или провидѣніе Божіе, онъ считалъ недостойными вниманія своихъ учениковъ, и находилъ неприличнымъ, чтобы душа христіанина, сохраняющая въ себѣ религиозное чувство, осквернила себя прикосновеніемъ нечестія. Послѣ этого онъ вводилъ своихъ учениковъ въ разумѣніе божественныхъ Писаній, и раскрывалъ имъ тѣ тайны божественнаго вѣдѣнія, какія Духу Божію угодно было сообщить человѣку. И здѣсь Оригенъ былъ особенно превосходенъ, и, по словамъ своего ученика, такъ поражалъ ясностію и силою своихъ доказательствъ, что никто, какъ бы ни былъ упоренъ, не могъ противостоять ему. Въ немъ самъ Богъ, вдохновлявшій пророковъ, по представленію св. Григорія, далъ единственный ключъ къ пророчествамъ. Благодаря его искусству, его ученики проникали въ самыя тайны божественныхъ книгъ и находили въ нихъ неисчерпаемый источникъ самыхъ удивительныхъ познаній.

Когда нужно было св. Григорію оставить Кесарію и Оригена послѣ пятилѣтняго постояннаго собесѣдованія съ нимъ, Григорій, разставаясь съ учителемъ, въ трогательной краснорѣчивой рѣчи излилъ чувства глубокой благодарности и безпредѣльнаго уваженія къ своему несравненному наставнику, и вмѣстѣ съ тѣмъ дышущее искренностію сожалѣніе о томъ, что онъ оставляетъ человѣка, въ которомъ нашелъ своего истиннаго отца, и въ содружествѣ котораго вкушалъ самыя чистыя радости. Эта рѣчь служитъ свидѣтельствомъ той привязанности, какую умѣлъ внушать къ себѣ въ своихъ ученикахъ Оригенъ, а еще болѣе того благородства и той деликатности души Григорія, которыя сквозятъ въ каждомъ словѣ ученика, прощающагося съ своимъ учителемъ.

На родинѣ, куда отправлялся Григорій по окончаніи своего образованія (около 239 года), онъ имѣлъ въ виду

посвятить себя адвокатурѣ, къ чему предназначалъ его отецъ, и къ чему онъ самъ готовился до своего знакомства съ Оригеномъ. Но видно, что послѣ бесѣды Оригена о возвышенныхъ и божественныхъ вещахъ сердце его уже не лежало къ этого рода дѣятельности, и въ прощальной рѣчи Оригену онъ не безъ грусти говоритъ о томъ, что у своего учителя онъ оставляетъ самое дорогое и любезное, и мѣняетъ это на самое худшее, что онъ не будетъ болѣе говорить о божественныхъ вещахъ, а его рѣчь должна будетъ служить человѣческимъ вещамъ и защищать дѣла и тяжбы худыхъ людей. И нѣтъ въ историческихъ документахъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ на родинѣ вступилъ на поприще, прежде казавшееся ему заманчивымъ, а потомъ сдѣлавшееся для него малоцѣннымъ и даже прямо противнымъ, послѣ бесѣды съ Оригеномъ о возвышенныхъ божественныхъ вещахъ. Св. Григорій Нисскій (въ словѣ о жизни св. Григорія Чудотворца) прямо говоритъ, что по возвращеніи въ свое отечество съ богатствомъ многообразной мудрости и знанія, Григорій Чудотворецъ уклонился отъ общественной жизни и всякой публичной дѣятельности. „Когда весь народъ (говоритъ Григорій Нисскій) обратилъ на него вниманіе, и всѣ ожидали, что онъ обнаружитъ свою ученость всенародно въ общихъ собраніяхъ, дабы въ похвалахъ и извѣстности получить какой нибудь плодъ долговременныхъ трудовъ своихъ; сей великій мужъ... выказываетъ свою мудрость молчаніемъ, дѣломъ, а не словами показывая находящееся въ немъ сокровище. Удалившись отъ шума площадей и отъ всей вообще городской жизни, въ уединеніи пребывалъ онъ самъ съ собою и чрезъ себя съ Богомъ, мало заботясь о всемъ мірѣ и дѣлахъ его, но распроставшись со всѣмъ въ мірѣ, направилъ всѣ попеченія къ тому, какъ довести до совершенства душу путемъ добродѣтели...“¹⁾

¹⁾ Творенія св. Григорія Нисскаго. Ч. 8. Москва. 1871. стр. 142—3.

Душу, такъ настроенную, одаренную богатыми талантами и обладавшую обширными знаніями, располагали къ служенію церкви, такъ нуждавшейся тогда въ сильныхъ дѣятеляхъ. Объ этомъ болѣе всѣхъ старался Федимъ, предстоятель церкви Амасійской. Но Григорій боялся, какъ бы заботы священства не послужили ему препятствіемъ въ любомудріи, и не давалъ согласія на предложеніе посвятить себя служенію церкви. Когда же онъ увидѣлъ, что Федимъ имѣетъ рѣшительное намѣреніе поручить ему начальствованіе въ церкви, онъ скрывался отъ него, переходя изъ одной пустыни въ другую, чтобы только не быть взятымъ рукою святителя. Но Федимъ, видя въ Григоріѣ великую силу, могущую принести много пользы для церкви, рѣшился своею настойчивостію побѣдить стремленіе Григорія къ уединенію, и не смотря на его отсутствіе нарекаетъ его епископомъ его роднаго города Неокесаріи, который былъ совершенно преданъ идолослуженію, такъ что въ немъ всего было семнадцать христіанъ. Такимъ образомъ Григорій противъ воли долженъ былъ принять на себя то начальствованіе надъ церковью, отъ котораго такъ усиленно отказывался, и надъ нимъ, по явленіи его къ Федиму, совершены были всѣ законенныя священнодѣйствія, и онъ, никогда не думая, сдѣлался, въ молодые еще годы, правителемъ церкви, принявъ санъ неокесарійскаго епископа.

Неокесарійскою церковію весьма долго управлялъ св. Григорій, и во время этого управленія обнаружилъ необыкновенную пастырскую ревность. Евсевій называетъ его *славнѣйшимъ изъ епископовъ нашего времени* ¹⁾. Св. Григорій Нисскій, въ словѣ о жизни своего соплеменника, замѣчаетъ, что „не инымъ чѣмъ, какъ подвигами и борьбою должно назвать всю жизнь его въ священствѣ, во время которой онъ вѣрою подвизался противъ всѣхъ силъ противника“ ²⁾. Неокесарія, куда поставленъ былъ епископомъ св. Григорій,

¹⁾ Церк. Ист. Кн. VI, гл. 30.

²⁾ Твор. св. Граг. Нисскаго, въ русск. пер. Ч. 8. стр. 149.

заражена была язычествомъ, нигдѣ не было устроено въ ней храма истинному Богу, но весь городъ и соебдія поселенія наполнены жертвенниками, капищами и кумирами, и вѣрующихъ во Христа было не болѣе семнадцати чело-вѣкъ. Но св. Григорій съ такою силою ратовалъ противъ языческаго суевѣрія, что къ концу его жизни не осталось въ ней столько язычниковъ, сколько было христіанъ при его вступленіи на паству. Съ перваго же появленія его въ Неокесаріи въ званіи пастыря церкви открылось такое необычайное дѣйствіе его слова, вспомоцествуемаго силою Христовою, что къ вечеру перваго дня его пастырской дѣятельности уже было столько увѣровавшихъ, что изъ нихъ „составился народъ“⁴¹⁾. Успѣхъ перваго дня возрасталъ въ другіе слѣдующіе дни. Къ нему стекались цѣлыя толпы, и онъ проповѣдывалъ, рассуждалъ, увѣщавалъ, училъ, исцѣлялъ. Слово его потому особенно сильно дѣйствовало, что оно сопровождалось чудесами, совершаемыми имъ надъ больными и страждущими. Св. Григорій Нисскій рассказываетъ много чудесъ, какія совершены были Григоріемъ Неокесарійскимъ при содѣйствіи благодати Святаго Духа, и какія приобрѣли ему въ церкви названіе Чудотворца.

Во время своей жизни св. Григорій Неокесарійскій пользовался въ церкви большимъ авторитетомъ и принималъ плодотворное участіе въ дѣлахъ вѣры. Евсевій поименовываетъ его въ числѣ епископовъ, сошедшихся въ Антиохіи для осужденія Павла Самосатскаго, отрицавшаго божество Господа Иисуса Христа, и онъ поименованъ, какъ наиболѣе знаменитый изъ участниковъ, послѣ Фирмилиана, епископа Кесаріи Каппадокійской, и рядомъ съ братомъ своимъ Аениодоромъ, епископомъ Понта³⁾. Отъ него дошло до насъ такое точное изложеніе догмата о триничности лицъ Божества, подобнаго которому не представляетъ современ-

⁴¹⁾ Слово св. Григорія Нисскаго. Твор. св. Григ. Нисскаго. Ч. 8, стр. 158.

³⁾ Евс. Церк. Ист. Кн. VII, гл. 28.

ная ему древность,—это въ известномъ его символѣ, который, по преданію, засвидѣтельствованному св. Григоріемъ Нисскимъ¹⁾, онъ составилъ по откровенію свыше. По этому символу воспитывались и уясняли себѣ тайну вѣры великіе учителя Каппадокійскіе IV вѣка, св. Василій Великій, св. Григорій Нисскій и св. Григорій Богословъ. Первые двое много слышали о св. Григоріѣ Неокесарійскомъ отъ бабки своей Макиры, происходившей изъ Неокесаріи, и чрезъ нее узнали православное ученіе знаменитаго отца III вѣка, бывшее для нихъ руководствомъ въ дѣлахъ вѣры. Она оба исполнены глубокаго почитанія къ таланту, твердой вѣрѣ и благочестію св. Григорія Чудотворца, что видно изъ слова о жизни его, написаннаго св. Григоріемъ Нисскимъ, и изъ писемъ и сочиненій св. Василія Великаго. Св. Василій Великій дѣлаетъ такой отзывъ о нашемъ отцѣ въ своей книгѣ о Святомъ Духѣ: „Гдѣ дадимъ мѣсто Григорію великому и словамъ его? Не съ апостолами ли и пророками? Говорю о мужѣ, который ходилъ въ единомъ съ ними Духѣ, во все время жизни шествовалъ по слѣдамъ святыхъ, во всѣ дни свои тщательно преуспѣвалъ въ жизни евангельской. Такъ о немъ говорю; иначе преобидимъ истину, не сопричислявъ къ приснымъ Божиимъ сію душу, сего мужа, который, подобно какому-то свѣтозарному великому свѣтилу, озарялъ церковь Божию, который при содѣйствіи Духа имѣлъ надъ демонами страшную для нихъ силу, и такую *пріемъ благодать словъ въ послушаніе вѣры во языцехъ* (Рим. 1, 5), что тамъ, гдѣ до него было семнадцать только человекъ христіанъ, весь народъ въ городахъ и селахъ, научивъ боговѣднію, привелъ къ Богу... Долго было бы пересказывать всѣ чудеса сего мужа, котораго, по презыткѣ дарованій, какія въ немъ явлены по дѣйствию Духа во всякой силѣ въ знаменіяхъ и чудесахъ, и самые враги истины называли вторымъ Моисеемъ. Такъ у него во всякомъ словѣ и дѣлѣ,

¹⁾ Слово о жизни св. Григ. Чудотворца. Твор. св. Григ. Н. ч. 8. стр. 145—8. Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

совершавшихся по благодати, просіявалъ какой-то свѣтъ — знавъ небесной силы, невидимо ему соупутствующей. И до нынѣ еще велико къ нему удивленіе туземныхъ жителей, нова и всегда свѣжа въ церквахъ твердо укорененная память о немъ, не увядающая и отъ самаго времени¹⁾... А св. Григорій Нисскій, рассказывая жизнь соименнаго себѣ предшественника, постоянно присоединяетъ къ его имени названіе Великаго²⁾.

Св. Григорій Чудотворецъ былъ ревностный и сильный проповѣдникъ. Это видно изъ того, что онъ весь городъ, прежде закоренѣлый въ языческихъ заблужденіяхъ, своимъ словомъ обратилъ къ истинной вѣрѣ во Христа. По свидѣтельству св. Григорія Нисскаго³⁾, слушавшихъ слово его сперва было малое число, но притягательная сила его слова была такъ велика, что послѣ перваго возвѣщенія имени Христова невѣрующимъ, быстро возрастало число обращенныхъ къ вѣрѣ. Когда онъ говорилъ, то всѣ удивлялись его поученіямъ⁴⁾.

Силу слову его могъ дать его естественный талантъ, полученный имъ отъ Бога, и то широкое образованіе, какое получилъ онъ въ годы юности своей... Но онъ не надѣялся на одни естественныя средства въ дѣлѣ возвѣщенія вѣры, какъ ни были они богаты у него. Онъ считалъ необходимымъ для успѣха въ этомъ священномъ дѣлѣ просвѣщеніе свыше, и просилъ себѣ у Бога вспомощствующей благодати Духа. По словамъ св. Григорія Нисскаго, „онъ не прежде осмѣлился проповѣдывать слово, какъ нѣкоторымъ

¹⁾ Книга о Святomъ Духѣ къ св. Амфилохію, епископу Иконійскому, гл. 29. Твор. св. отцовъ въ русскомъ переводѣ Т. VII. Твор. св. Василія Великаго ч. 3, стр. 346—7.

²⁾ Сл. о жизни св. Григорія Чудотворца. Твор. св. Григорія Нисскаго ч. 8, стр. 127, 133, 135, 136, 137, 139, 142, 144 и др.

³⁾ Сл. о жизни св. Григорія Чудотворца. Твор. св. Григорія Нисскаго ч. 8, стр. 158.

⁴⁾ Сл. св. Григорія Нисскаго, стр. 180.

явленіемъ открыта была ему истина. Однажды (въ первые дни послѣ посвященія его во епископа), когда онъ цѣлую ночь размышлялъ о предметѣ вѣры и волнуемъ былъ различными помыслами... въ это время, когда онъ озабоченный исканіемъ истины, проводилъ ночь безъ сна, является на яву нѣкоторый мужъ въ человѣческомъ образѣ, по виду старецъ, святогѣшный по устроенію одежды, какъ пріятностію лица, такъ и стройностію вида, обваруживающій признаки великой добродѣтели. Когда же онъ, утраченный видѣніемъ, боялся встать съ постели и спросить, кто онъ такой, и зачѣмъ пришелъ; сей, кроткимъ голосомъ успокоивъ его душевное смущеніе, сказалъ, что онъ явился ему, по божественному повелѣнію, для разрѣшенія его недомыслия, чтобы открыть истину благочестивой вѣры. При этихъ словахъ мужество возвратилось къ нему... Потомъ, когда тотъ протянулъ руку и прямо направленными перстами какъ бы указывалъ стоящее въ сторонѣ явленіе: онъ, обративъ взоръ свой по направленію его руки, увидѣлъ противъ лица явившагося другое видѣніе въ женскомъ образѣ, превосходнѣйшемъ человѣческаго, — и опять утрачился до того, что склонилъ лице свое, приведенный въ замѣшательство видѣніемъ, и не въ состояніи будучи вынести сего явленія очами... (Въ это время) онъ услышалъ нѣкій разговоръ между явившимися ему лицами, которыя вели рѣчь другъ съ другомъ о предметѣ его изысканій. Черезъ этотъ разговоръ онъ не только научился истинному познанію вѣры, но и узналъ явившихся по именамъ; потому что каждый изъ нихъ называлъ другаго собственнымъ его именемъ. Такъ, говорятъ, онъ услышалъ, что явившаяся въ женскомъ видѣ просила Евангелиста Іоанна открыть юному епископу тайну благочестія, а тотъ сказалъ, что готовъ и въ этомъ сдѣлать пріятное Матери Господа... Такимъ образомъ въ стройныхъ и краткихъ словахъ изречши (сію тайну), опять скрылись изъ глазъ. Григорій же божественное оное откровеніе тотчасъ заключилъ въ письмена, по оному послѣ про-

повѣдывалъ слово Божіе въ церкви и оставилъ сіе благодарственное ученіе, какъ вѣкое наслѣдіе потомкамъ¹⁾. Итакъ помазаніе отъ Святаго и озареніе свыше—вотъ та главная сила, которая ввела его во владѣніе истинною вѣрой, и которая помогала ему побѣждать упорство невѣрія, разгонять тѣму заблужденія и доводить до благочестиваго убѣжденія души, жаждущія пищи божественнаго слова.

Изъ слова св. Григорія Нисскаго можно видѣть и уяснить себѣ то содержаніе, какое раскрывалъ въ своихъ проповѣдахъ св. Григорій Неокесарійскій. Это было откровенное ученіе о Богѣ и Христѣ, не то только откровенное ученіе, которое хранится въ Библии и доступно для всѣхъ, а ученіе, ему собственно сообщенное и разъясненное при посредствѣ св. Іоанна Богослова и Пресвятой Богоматери. Это ученіе заключало въ себѣ тайну христіанскаго благочестія, и существенные пункты его изложены въ символѣ св. Григорія, пользовавшемся большимъ авторитетомъ въ церкви. Въ этомъ символѣ, извѣстномъ каждому изучающему богословскую науку, мы читаемъ вполне точное и ясное ученіе о Трїединомъ Богѣ, о личныхъ свойствахъ трехъ лицъ Божества и объ отношеніи ихъ между собою. Видно, что св. Григорій мыслию своею возносился къ самымъ высотамъ христіанскаго вѣдѣнія, и самые возвышенные догматы вѣры умѣлъ излагать народу въ ясныхъ и твердыхъ словахъ. Благодаря ему, его руководственному слову, народъ того города, гдѣ онъ епископствовалъ, сохранилъ себя „неприкосновеннымъ отъ всякой еретической злобы“²⁾, въ вѣкъ увлеченія догматическими словопреніями и аріанскими заблужденіями.

Конечно, не одинъ этотъ предметъ, заключенный въ символѣ св. Григорія Неокесарійскаго, раскрывался имъ въ его бесѣдахъ. Онъ, смотря по времени и обстоятель-

1) Твор. св. Григ. Нисск. ч. 8. Слово о жизни св. Григорія Чудотворца, стр. 145—7.

2) Св. Григ. Нисск. твор. ч. 8. стр. 147.

ствамъ, касался и многихъ другихъ сторонъ христіанскаго боговѣдѣнія. Такъ онъ любилъ любомудрствовать о чаемой горней жизни: этимъ предметомъ, по свидѣтельству св. Григорія Нисскаго, онъ занимался всегда и по преимуществу. Склонялъ онъ мысль своихъ пасомыхъ къ представленію о Богѣ, Творцѣ и Промыслителѣ, управляющемъ всѣмъ въ мірѣ и по своей волѣ направляющемъ природу стихій. Такъ, когда въ Понтѣ отъ разлива рѣки, текущей съ горныхъ вершинъ Арменіи, произошло ужасное наводненіе, и жившіе близъ рѣки, пораженные неожиданнымъ бѣдствіемъ, пришли къ нему съ прошеніемъ дать имъ какое нибудь облегченіе отъ постигшаго ихъ несчастія, онъ, явившись на мѣсто, гдѣ вода произвела большія опустошенія, сказалъ собравшимся: „не человѣческое дѣло, братія, измѣнять теченіе воды; одна только божественная сила можетъ сдѣлать это и заключить стремленіе водъ въ извѣстные предѣлы; ибо такъ говоритъ пророкъ къ Богу: *предѣлы положилъ еси, ея же не преидеть* (Псал. СIII, 9); одному Владыкѣ твари—Христу подвластна природа стихій, неизмѣнно пребывая въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ поставлена. Итакъ, поелику есть Богъ, законополагающій предѣлы водамъ, то Онъ одинъ своею силою и можетъ удержать безпорядочное теченіе этой рѣки“¹⁾. Сказавъ это, и призвавъ божественную силу на помощь, св. Григорій далъ другое направленіе безпорядочному стремленію водъ.—Призываютъ его къ себѣ жители города Команъ, чтобы онъ утвердилъ ихъ церковь и далъ имъ священника, и онъ, пришедши къ нимъ, ведетъ съ ними бесѣду о священствѣ²⁾. Само собою понятно, что Григорій Нисскій не всѣ предметы вѣры перечислилъ, къ какимъ склонялось учительное слово восхваляемаго имъ отца. Но изъ его случайныхъ и отрывочныхъ указаній мы имѣемъ

¹⁾ Твор. св. Григ. Нисск. ч. 8. Слово о жизни св. Григорія Чудотворца, стр. 167—8.

²⁾ Св. Григ. Нисск. сл. о жизни св. Григорія Чудотворца, стр. 174.

право заключать, что его проповѣдь обнимала широкій кругъ христіанскаго боговѣдѣнія, исправляя и просвѣщая умы своихъ пасомыхъ, прежде зараженныхъ языческою лестію, силою того свѣта Христова, какимъ озаренъ былъ онъ самъ.

Кромѣ ученія вѣры, кромѣ утвержденія своей паствы въ православномъ пониманіи христіанскаго догмата, св. Григорій обильно раздавалъ всѣмъ нравственныя наставленія, примѣнительно къ состоянію каждаго, и въ соотвѣтствіе тѣмъ запросамъ, съ какими являлись къ нему люди его паствы. „Плачущій (говоритъ, характеризуя его учительное слово, св. Григорій Ниссскій)¹⁾ получалъ утѣшеніе; юноша вразумленіе; старикъ наставляемъ приличными рѣчами; рабы,—чтобы повиновались господамъ своимъ, владѣльцы,—чтобы человѣколюбиво обращались съ подчиненными; бѣднаго училъ онъ, что единственное богатство есть добродѣтель, что это имущество могутъ приобрести каждый, кто ни захочетъ; напротивъ того обладающаго богатствомъ вразумлялъ и училъ, что онъ только распорядитель своего имѣнія, а не господинъ. Женамъ подавая пристойныя, дѣтямъ—соотвѣтственныя возрасту, отцамъ—приличныя правила, и, будучи всѣмъ вся, онъ, при содѣйствіи Духа, столько вдругъ привлекъ къ себѣ народъ, что тотчасъ приступилъ къ построенію храма (котораго прежде не было въ Неокесаріи); потому что всѣ деньгами и трудами содѣйствовали этому предпріятію“.

Мы говорили о содержаніи учительнаго слова св. Григорія Чудотворца, руководствуясь указаніями его біографа и панегириста св. Григорія Нисскаго. Мы желали бы дополнить характеристику знаменитаго учителя церкви анализомъ его собственныхъ гомилетическихъ произведеній. Но древность почти ничего не сохранила для насъ изъ того, что онъ говорилъ своимъ пасомымъ въ качествѣ ихъ па-

¹⁾ Твор. св. Григорія Нисскаго ч. 8. Сл. о жизни св. Григ. Чудотворца, стр. 159.

стыря и руководителя. Въ изданіяхъ его твореній печатаются его проповѣди, именно: три бесѣды ¹⁾ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, одна бесѣда ²⁾ на святое Богоявленіе, слово на всѣхъ святыхъ ³⁾, и отрывокъ слова о Троицѣ ⁴⁾. Два слова ⁵⁾ на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы и бесѣда на Богоявленіе Господне ⁶⁾ съ именемъ Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, напечатаны и въ русскомъ переводѣ. Но ихъ подлинность, за исключеніемъ развѣ отрывка о Троицѣ, болѣе чѣмъ сомнительна. Древніе писатели не знали этихъ словъ, и не упоминаютъ о нихъ. И въ самомъ содержаніи и характерѣ ихъ изложенія есть признаки, указывающіе на ихъ позднее происхожденіе. Слова на Благовѣщеніе содержатъ въ себѣ восторженныя похвалы Божіей Матери. Подобныхъ похвалъ мы не встрѣчаемъ въ подлинныхъ произведеніяхъ отцовъ III и даже IV вѣка. Онѣ явились и стали особенно часты послѣ возникновенія ереси Несторіевой и со временъ Ефесскаго вселенскаго собора, въ видахъ противодѣйствія тѣмъ людямъ, которые не хотѣли признавать во Христѣ Бога во плоти, и которые называли Дѣву Марію не Богородицею, а Христородицею. Во второмъ словѣ на Благовѣщеніе даже встрѣчается слово, которое вошло въ употребленіе со временъ Ефесскаго собора, — *Богородица*, *Θεοτόκος* ⁷⁾). Положимъ, смыслъ, заключающійся въ этомъ словѣ, былъ признаваемъ и отцами, жившими ранѣе Ефесскаго собора; но само это слово, какъ техническое выраженіе, въ приложеніи къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, утвердилось въ церковномъ языкѣ съ

¹⁾ Patr. graecae cursus completus. T. X, col. 1145—1178.

²⁾ Ibidem col. 1177—1190.

³⁾ Ibidem col. 1197—1206.

⁴⁾ Ibidem col. 1123—6.

⁵⁾ Христ. Чт. 1837. Ч. 1, стр. 249—262. сл. 1. 1840. Ч. 1. (марть) стр. 249—258 сл. 3.

⁶⁾ Хр. Чт. 1838. Ч. 1. (январь), стр. 3—19.

⁷⁾ Patr. с. с. T. X. с. 1166, 1160 сл. 1168.

V вѣка. Въ словѣ на Богопленіе мы читаемъ свободный и пространный перифразъ евангельскаго повѣствованія о крещеніи Господа Иисуса Христа отъ Іоанна на Іорданѣ; въ этомъ перифразѣ при толкованіи и переложеніи словъ Іоанна къ Спасителю и Спасителя къ Іоанну, а также гласа, слышаннаго съ неба отъ Отца, излагается догматическое ученіе о лицѣ Иисуса Христа,—ученіе такое, какое могъ исповѣдать и возвѣщать и св. Григорій Чудотворецъ. Но и въ этомъ словѣ есть выраженія, не обычныя въ церковной литературѣ III вѣка, и утвердившіяся въ ней послѣ перваго вселенскаго собора. Мы разумѣемъ слово „Единосущный (ὁμοούσιος)“. Перифразируя слова Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ*, проповѣдникъ говорить въ ихъ разъясненіе: „Ὁμοούσιος, οὐχ' ἑτεροούσιος: ὁμοούσιος ἕκαστὰ τὸ ἀόρατον, καὶ ὁμοούσιος ὅμῃ κατὰ τὸ ὁρατόν, χωρὶς ἀμαρτίας“¹⁾. Сынъ Единосущный, а не другаго естества, Единосущный Мнѣ по тому, чего вы не можете видѣть, и Единосущный вамъ по тому, что вы видите, кромѣ грѣха“. Другой разъ это выраженіе употреблено въ приложеніи къ Духу Святому, когда отъ лица Іоанна Крестителя проповѣдникъ обращается къ пришедшему креститься отъ него Богочеловѣку съ вопросомъ недоумѣнія: „Крещая Тебя, кого стану я призывать? Во имя чье буду крестить Тебя? Во имя Отца? Но Ты всегда Отца имѣешь въ Себѣ Самомъ, и Самъ находишься весь въ Отцѣ? Во имя Сына? Но кромѣ Тебя нѣтъ другаго Сына Божія по естеству. Во имя Святаго Духа? Но Онъ всегда съ Тобою, какъ Тебѣ Единосущный (ὁμοούσιος), Единовольный и Единомысленный, Единовластный, Единочестный и Единопокляемый отъ всѣхъ“²⁾. Такого выраженія нѣтъ въ символѣ св. Григорія Неокесарійскаго³⁾, гдѣ излагается ученіе о тринчности лицъ Божества и объ отношеніи ихъ между собою. Между тѣмъ здѣсь весьма естественно и даже необходимо было бы явиться ему, если бы только оно было

¹⁾ Р. с. с. Т. X. col. 1188.

²⁾ Patr. с. с. Т. X. col. 1184.

³⁾ Р. с. с. Т. X. col. 984—8.

въ употребленіи въ церковномъ языкѣ въ вѣкѣ св. Григорія. Явный знакъ, что бесѣда, гдѣ встрѣчается это слово, принадлежитъ не св. Григорію Чудотворцу, а лицу, жившему послѣ перваго всеиенскаго никейскаго собора.

Противъ подлинности этихъ словъ и за нихъ позднее происхожденіе, кромѣ содержанія, говоритъ самый характеръ ихъ изложенія. У св. Григорія Чудотворца, въ его подлинныхъ произведеніяхъ, рѣчь ясная, текучая, безъ аффектаціи, безъ фигуральныхъ риторическихъ приемовъ, полная спокойствія и самообладанія. Такою она является и у другихъ отцовъ-представителей греческаго краснорѣчія въ III и даже IV вѣкахъ. Этой спокойной текучести, этой фразы, чуждой искусственности и фигуральности, нѣтъ въ словахъ, приписываемыхъ св. Григорію Чудотворцу. Въ нихъ такой складъ изложенія, какой узаконила не древняя греческая, а византійская реторика. Этотъ риторическій складъ изложенія началъ появляться съ V вѣка, но утвердился окончательно въ вѣка гимнологіи, нѣ тѣ вѣка; когда создавались церковныя пѣснопѣвія, составляющія своеобразный видъ религіозной поэзіи. Слова, отличенныя характеромъ византійской реторики, составляютъ нѣчто среднее между поученіемъ и пѣснью. Гомилетика въ нихъ отступаетъ на задній планъ, и вступаетъ въ свои права искусственная реторика, прикрашенная поэзією. По вліянію этой искусственной реторики, господствовавшей въ византійской проповѣди, и начавшей заявлять свои права, начиная съ V вѣка, проповѣдники тѣхъ временъ любили поэтическую восторженность и напряженную декламацию. Одна изъ любимыхъ манеръ изложенія у нихъ состоитъ въ томъ, что они варьируютъ и расписываютъ красками, напоминающими одна другую, но не сливающимися въ одинъ колеръ, какое либо одно общее представленіе, берутъ общее понятіе или событіе, разлагаютъ его на мелкія части, и ведутъ его раскрытіе рядомъ краткихъ предложеній, построенныхъ по одной формѣ; при этомъ на одну нить часто накладывается нѣсколько образовъ или сравненій, служащихъ

въ уясненію одного предмета, какъ это мы видимъ въ нашихъ аваянстахъ. Видимую связью этихъ краткихъ предложеній, на которыя раздробляется одно общее представленіе, служить у нихъ риторическая фигура единозначатія. Другую любимую манеру византійскихъ проповѣдниковъ мы можемъ назвать драматизмомъ изложенія. Она состоитъ въ томъ, что они наполняютъ свои проповѣди апострофами, длинными монологами и діалогами. Лица, о которыхъ случается имъ упоминать въ своихъ проповѣдяхъ, они заставляютъ говорить длинныя рѣчи, отличающіяся искусственною декламаціею. Когда передаютъ они какое либо евангельское событіе, положимъ, воспоминаемое въ тотъ или другой праздникъ,—евангельскій рассказъ служить для нихъ каввою, на которой они выводятъ свои поэтическіе узоры: два, три слова, сказанныхъ какимъ-либо евангельскимъ лицомъ, у нихъ превращаются въ длинныя тирады, наполняющія не одну страницу, и иногда вся проповѣдь, требующая около получаса времени для своего произнесенія, состоитъ изъ монологовъ или діалоговъ, влагаемыхъ въ уста лицъ, выводимыхъ въ проповѣди. Встрѣчается въ третьихъ у нихъ лирическое изліаніе чувства, не всегда внезапное и естественное, а чаще дѣланное и искусственное; вмѣсто ровной, спокойной рѣчи является языкъ одушевленія и восторга, и проповѣдь становится пѣснью, и ею хотятъ не столько учить и наставлять, сколько увлекать и улаждать. Все это есть въ словахъ, приписываемыхъ св. Григорію Чудотворцу, и мы невольно переносимся мыслию въ вѣка византійскаго краснорѣчія, когда читаемъ ихъ и встрѣчаемъ въ нихъ тирады, подобныя нижеслѣдующимъ: „*Нынѣ* (такъ начинается первое слово на Благовѣщеніе) ангельскіе лики воспѣваютъ славу божественную, и свѣтъ Христова пришествія возсіяваетъ вѣрнымъ. *Нынѣ* настала для насъ радостная весна, и возшло солнце правды—Христосъ... *Нынѣ* обновляется Адамъ, и вознесенный на небо, сопричисляется къ сонму ангеловъ. *Нынѣ* вся вселенная исполняется радостію,

вида снисшествіе на людей Духа Святаго. *Нимъ* авилась божественная благодать, надежда благъ невидимыхъ, и совершилось надъ нами чудо, превышающее всякій умъ и мышленіе. *Нимъ* соплетаются вѣнцы въ награду за постоанство въ добродѣтели... *Нимъ* исполнилось Давидово прореченіе: *да возвеселятся небеса, и радуется земля* (Пс. XLV, 11)¹⁾. Подобное начало, повторяющее въ разныхъ видахъ одну и ту же мысль, и связывающее многія предложенія фигурою единоначатія, и въ третьемъ словѣ на Благовѣщеніе, существующемъ въ литературѣ съ именемъ св. Григорія Чудотворца. „*Паки* возвѣщеніе радости, *паки* благовѣстіе свободы, *паки* воззваніе, *паки* возвращеніе, *паки* обѣтованіе веселія, *паки* избавленіе отъ рабства. Ангелъ бесѣдуетъ съ Дѣвою, чтобы змій не говорилъ болѣе съ женою“.

„*Въ мѣсяцъ шестой*, говоритъ Евангелистъ Лука, *посланъ бысть Ангелъ Гавріиль отъ Бога къ Дѣвѣ, обрученной мужеву*. Посланъ Гавріиль возвѣстити спасеніе всему міру. Посланъ Гавріиль проповѣдать освобожденіе Адаму. Посланъ Гавріиль къ Дѣвѣ, да измѣнитъ безславіе жены въ честь. Посланъ Гавріиль приготовить достойное жилище Жениху. Посланъ Гавріиль обручить твореніе съ Творцемъ. Посланъ Гавріиль къ одушевленному чертогу Царя ангеловъ. Посланъ Гавріиль къ Дѣвѣ, хотя обрученной Іосифу, но блюдомой для Іисуса Сына Божія. Посланъ рабъ безтѣлесный къ Дѣвѣ неплѣнной. Посланъ непричастный грѣху къ безпорочной. Посланъ свѣтильникъ предвозвѣстити Солнце правды. Посланъ утренній свѣтъ быть предтечею Свѣта дня. Посланъ Гавріиль возвѣстити, что пребывающій въ лонѣ Отца снисходитъ въ объятія матери. Посланъ Гавріиль проповѣдать, что Сидящій на престолѣ возлежитъ въ вертепѣ. Посланъ воняъ открыть тайну великаго царя!...“²⁾.

Затѣмъ въ этихъ словахъ встрѣчаются обращенія, какъ

¹⁾ Христ. Чт. 1837. Ч. 1. стр. 249—50.

²⁾ Христ. Чт. 1840. Ч. 1, стр. 249—50.

будто взятая изъ нашихъ акаеистовъ, или послужившая образцомъ для нашихъ акаеистскихъ лѣснощѣній. Напримѣръ въ первомъ словѣ на Благовѣщеніе авторъ приглашаетъ слушателей принести Маріи дань благодарности, подражая ангельскому хвалебному гласу и взывая къ ней сими словами: „радуйся и веселись, Благодатная! Господь съ Тобою... Радуйся, Благодатная, источникъ Свѣта, просвѣщающаго всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Радуйся, Благодатная, востокъ умнаго солнца и цвѣтъ благовонный. Радуйся, Благодатная, лугъ сладкоуханный. Радуйся, Благодатная, розга пристоцвѣтущая и услаждающая души прославляющихъ тебя. Радуйся, Благодатная, пиво неоранная, и принесшая плоды обильнѣйшіе...“¹⁾ Подобныя величанія Божіей Матери, только безъ обращенія къ ней съ словомъ *радуйся*, читаемъ мы и во второмъ словѣ на Благовѣщеніе²⁾. Кроме того, въ этихъ словахъ очень часты драматическіе обороты,—монологи и діалоги, влагаемые въ уста лицъ, дѣйствовавшихъ при совершеніи событія, воспоминаемаго въ тѣ праздничные дни, на которые писаны слова. Эти монологи и діалоги частію вымышлены проповѣдникомъ, частію служатъ распространеніемъ словъ, записанныхъ въ Евангеліи. Третье слово на Благовѣщеніе почти все состоитъ изъ преемственнаго ряда такихъ монологовъ. Посылаетъ Господь Богъ архангела Гавріила къ Дѣвѣ, и въ уста Господа при воспоминаніи объ этомъ влагается длинная рѣчь къ Архангелу: „иди, Архангелъ, и будь слугою страшнаго и сокровеннаго таинства: послужи чуду...“ Когда выслушалъ Архангелъ длинную рѣчь Господа, онъ размышляетъ самъ съ собою, и его недоумѣніе при мысли о порученіи, на него возложенномъ, выражается монологомъ. Видя недоумѣніе Ангела, Господь обращается къ нему съ новою рѣчью, разсвѣляющею его смущеніе: „что смущаешься и недоумѣваешь, Гавріилъ? Не

¹⁾ Христ. Чт. 1837. Ч. 1. стр. 256—7.

²⁾ Patr. c. compl. T. X. col. 1160.

ты ли былъ посланъ отъ Меня прежде сего къ Захаріи священнику?" и т. д. Затѣмъ новое обращеніе Ангела къ Богу: онъ представляетъ Господу возраженія противъ исполнимости того, что повѣститъ ему повелѣвается, и Господь, въ бесѣдѣ, измышленной проповѣдникомъ, разсѣваетъ эти возраженія. Послѣ окончанія пренія съ Богомъ, Ангелъ, исполняя повелѣнное, является къ Дѣвѣ, и его обращеніе къ ней: *радуйся Благодатная: Господь съ тобою*, является въ проповѣди въ формѣ удлинненной привѣтственной рѣчи. Такою же драматическою формою изложенія отличается и слово на Богоявленіи, приписываемое Григорію Чудотворцу. Авторъ въ этомъ словѣ приглашаетъ своихъ слушателей изыти вмѣстѣ съ Христомъ изъ Галилеи въ Іудею, и мысленными стопами достигнуть Іордана, чтобы видѣть, какъ крещается отъ Іоанна Тотъ, кто не имѣетъ нужды въ крещеніи, но лишь только достигъ мысленно со Христомъ проповѣдникъ Іордана, онъ заставляетъ своихъ слушателей выслушивать длинный монологъ Іоанна Крестителя, обращенный къ Господу Іисусу Христу. Основаніемъ этого монолога послужило слово Крестителя, записанное въ Евангеліи: *Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли урядеши ко мнѣ* (Матѣ. III, 14)? Но монологъ, служащій распространеніемъ этихъ семи краткихъ словъ, занялъ у проповѣдника цѣлыхъ семь страницъ, по изданію словъ въ переводѣ въ Христіанскомъ Читеніи¹⁾. Непосредственно за этимъ слѣдуетъ новый монологъ: Господь отвѣчаетъ Іоанну и убѣждаетъ его или повелѣваетъ ему исполнить надъ Нимъ то, зачѣмъ Онъ пришелъ. *Остави нынѣ: тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Матѣ. III, 15). Вмѣсто этихъ словъ проповѣдникъ влагаетъ въ уста Спасителя длинную рѣчь, которая тянется на цѣлыхъ пяти страницахъ Христіанскаго Читенія²⁾. Эти два монолога составляютъ главную суть проповѣди; послѣ нихъ, въ заключительной части слова, слѣдуютъ еще два болѣе краткіе

¹⁾ Христ. Чит. 1838. Ч. 1, стр. 5—12.

²⁾ Христ. Чит. 1838. Ч. 1, стр. 12—16.

монологъ, — одинъ отъ лица іудеевъ, выражавшихъ, при видѣ крещенія Господа Іисуса отъ Іоанна, свое сужденіе о превосходствѣ крещающаго предъ Крещаемымъ, а другой отъ лица Бога Отца, возгласившаго съ неба во исправленіе ложнаго мнѣнія іудеевъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный* (Матѣ. III, 17), представляющій въ распространенномъ видѣ смыслъ этого божественнаго гласа.

Прибавимъ къ этому, въ частности для показанія неподлинности словъ на Благовѣщеніе, что этотъ праздникъ сталъ торжествоваться въ церкви во времена, позднѣйшія вѣка Григоріева, и не только изъ третьяго, но даже изъ четвертаго вѣка, оставившаго намъ обильную проповѣдническую литературу, нѣтъ словъ на этотъ праздникъ, подобныхъ словамъ, существующимъ съ именемъ Григорія Чудотворца. Тѣмъ менѣе въ третьемъ вѣкѣ могли существовать пѣсни въ похвалу и прославленіе Богоматери; по крайней мѣрѣ древность не представляетъ ихъ. Между тѣмъ во второмъ словѣ на Благовѣщеніе проповѣдникъ приглашаетъ современныхъ ему христіанъ прославить Богородицу Дѣву Марію во псалмахъ, пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ ¹⁾.

Слова эти съ именемъ Григорія Чудотворца въ первый разъ изданы въ началѣ XVII столѣтія въ Майнцѣ (Moguntiae, 1604) Герардомъ Воссіемъ, который нашелъ ихъ съ этимъ именемъ въ одномъ древнемъ греческомъ манускриптѣ Кристоферратской бібліотеки. Но въ другихъ манускриптахъ они являются съ именемъ другаго явтора. Второе слово на Благовѣщеніе Риккардъ ²⁾ расположенъ признать произведеніемъ Прокла Константинопольскаго, противника Несторіева, что, конечно, правдоподобіе. А о третьемъ словѣ на тотъ же праздникъ Монфокоу ³⁾ свидѣтельствуетъ, что онъ нашелъ это слово въ древнихъ манускриптахъ и съ именемъ

¹⁾ Patr. c. compl. T. X. col. 1160.

²⁾ Ad orat. 6 Procli.

³⁾ Praefat. ad tom. I. Op. Chrysost. § 5.

Іоанна Златоуста, и съ именемъ нашего Григорія, и съ именемъ Макарія Филadelphійскаго, и онъ помѣстилъ его во второмъ томѣ твореній Златоуста, хотя въ отдѣлѣ „Spuria“, но съ краткою замѣткою, допускающею возможность принадлежности этого слова Златоусту ¹⁾. У Комбефиза оно напечатано прямо съ именемъ Златоуста ²⁾. Но по своему характеру оно не подходитъ къ подлиннымъ произведеніямъ Златоуста. Мы считаемъ весьма правдоподобною догадку, выраженную въ „Историческомъ ученіи объ отцахъ церкви“ Филарета архіепископа Черниговскаго, что эти слова принадлежатъ Григорію Неокесарійскому, который жилъ не въ III вѣкѣ, а извѣстенъ былъ во время 7-го вселенскаго собора ³⁾. Тонъ и складъ этихъ словъ совершенно гармонируетъ съ характеромъ проповѣднической литературы тѣхъ временъ.

Слово на всѣхъ святыхъ ⁴⁾ въ своемъ содержаніи и складѣ не имѣетъ такихъ ясныхъ признаковъ позднѣйшаго происхожденія, какіе видны въ четырехъ праздничныхъ словахъ, выше нами разсмотрѣнныхъ. Оно содержитъ въ себѣ, послѣ признанія со стороны автора въ скудости и грубости своего языка и въ своей малообразованности, общую и не распространенную риторически похвалу мученикамъ, которые мужественно встрѣчали смерть и одерживали славную побѣду, когда были поражаемы: ихъ побѣду надъ смертію авторъ связываетъ съ побѣдою Христа, который смертію своею побѣдилъ и обратилъ въ бѣгство діавола, родившаго смерть. Мысль эта выражена довольно просто, и при развитіи ея авторъ не употребляетъ никакихъ искусственныхъ прикрасъ. Кромѣ мучениковъ, авторъ не упоминаетъ о другихъ святыхъ, и воздастъ хвалу однимъ постра-

¹⁾ Chrysost. oper. t. II. (Parisii 1718) col. 796—9.

²⁾ Auctar. nov. tom. I, pag. 602—619.

³⁾ Ист. ученіе объ отцахъ церкви. Т. I, стр. 138, 962, прил. 24.

⁴⁾ Patr. graecae cur. compl. T. X. col. 1197—1204.

давшимъ за Христа. По объему это слово очень не велико, и подходитъ къ типу краткихъ поученій.

Съ именемъ Григорія Чудотворца оно издано въ первый разъ въ 1770 году Мингарелли. Онъ нашелъ его въ одномъ греческомъ кодексѣ (принадлежавшемъ епископу Торчельскому Иоанну Нанию), содержащемъ въ себѣ собраніе проповѣдей, написанныхъ именами разныхъ древнихъ отцовъ и проповѣдниковъ. Такіе сборники латиняне называютъ „*Homiliarium*“, а греки „*Πατηρικόν*“. Въ этомъ гомиліаріѣ всѣхъ проповѣдей 47, и на тридцать пятомъ мѣстѣ стоитъ похвала всѣмъ мученикамъ, которая въ заголовкѣ имѣетъ такую надпись: Τῆ ἐν ἁγίοις Πατρὶς ἡμῶν Γρηγορίῳ τῷ Θεορατῆρὶ λόγος εἰς τὰς ἁγίας πάντας. Εὐλόγητον, Δέσποτα. По мнѣнію издателя, это слово, содержащее въ себѣ похвалу всѣхъ мучениковъ, приурочено было къ празднику или недѣлѣ всѣхъ святыхъ, слѣдующей за недѣлею Пятидесятницы, и читалось въ церквахъ въ этотъ день.

Но мы не видимъ достаточныхъ основаній приписывать это слово св. Григорію Чудотворцу. Уже позднее появленіе его съ именемъ этого отца (въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія) мало говоритъ въ пользу его древности. Быть не можетъ, чтобы не упоминали о немъ другіе, болѣе древніе писатели, если бы только оно встрѣчалось въ рукописяхъ, какъ слово такого знаменитаго отца древней церкви, какимъ былъ св. Григорій Чудотворецъ. Ссылка на надпись въ одномъ, мало извѣстномъ, кодексѣ въ этомъ отношеніи очень слабое доказательство. Древніе писцы въ рукописныхъ сборникахъ проповѣдей, какъ греческихъ и латинскихъ, такъ и русскихъ, помѣщая тѣ или другія проповѣди, не слишкомъ заботились о точномъ означеніи ихъ авторовъ; критики тогда не было, и они, если бы и хотѣли, не владѣли достаточными средствами для указанія подлинныхъ творцовъ того или другаго слова. Они списывали проповѣдь, каковъ имъ попадалась, и включая ее въ свой сборникъ, ставили надъ нею такое имя, какое подсказывала

имъ случай или преданіе или рукопись, бывшая въ ихъ рукахъ, а иногда, не нашедъ надъ списываемою ими проповѣдію имени автора, они ставили надъ нею на-угадъ имя того или другаго отца изъ чтимыхъ ими или извѣстныхъ имъ. Такимъ образомъ во всѣхъ литературахъ существуетъ множество проповѣдей съ именемъ Златоуста, отнюдь не принадлежащихъ этому великому проповѣднику. И имя св. Григорія Чудотворца могло совершенно случайно попасть въ тотъ гомиліарій, изъ котораго Мингарелли взялъ неизвѣстно кому принадлежащее слово на всѣхъ святыхъ. Далѣе, краткость слова и малый его объемъ не говоритъ въ пользу его древности. Въ древнее время во время богослуженія проповѣди предоставлено было очень широкое мѣсто, и она занимала около половины времени, назначеннаго для богослужебнаго собранія,—и греки, владѣвшіе обильною рѣчью, распространяли свою бесѣду до того, что она требовала около часу для своего произнесенія, или въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ около получаса: сжатость слова не была у нихъ въ обычаѣ. Слова, подобныя слову на всѣхъ святыхъ, нами обсуждаемому, могли говорить въ тѣ вѣка, когда христіане охладѣли въ своей ревности къ слушанію слова Божія и утомлялись пространными бесѣдами пастырей церкви, и когда болѣе развита и разнообразна была литургическая часть богослуженія. Съ V вѣка стали входить въ обычай сравнительно болѣе краткія поученія.

Что въ частности слово на всѣхъ святыхъ не можетъ принадлежать св. Григорію Чудотворцу, на это есть указанія въ немъ самомъ. Проповѣдникъ говоритъ, что онъ приступаетъ къ слову, не смотря на слабость и грубость своего языка, будучи умоленъ *отъ отца* ¹⁾. Это выраженіе даетъ понять, что проповѣдь говорилъ не епископъ, а пресвитеръ или другой подчиненный членъ клира, по настоянію предстоя-

¹⁾ Patr. c. c. T. X. col. 1200.

Труды Кіев. дух. Акад. 1884 г. т. I.

тели церкви. А св. Григорій Чудотворецъ прямо рукоположенъ былъ во епископа Федиомъ амасійскимъ, и не былъ подчиненнымъ членомъ клира, и къ нему нейдетъ признаніе того, что онъ проповѣдуетъ по просьбѣ или распоряженію отца—предстоятеля церкви. Равнымъ образомъ нейдетъ къ нему признаніе въ своей необразованности (*ἀπαιδευσία*) и въ деревенской грубости своего языка (*ἀγροικίζουσα γλώσσα*)¹⁾, когда извѣстно, что онъ отличался отъ другихъ своею ученостію, посѣщая въ юности многія школы, и по высотѣ своего образованія стоялъ во главѣ людей своего поколѣнія.

Отрывокъ изъ слова св. Григорія Чудотворца „о Троицѣ“²⁾ взятъ Майемъ³⁾ изъ одного арабскаго кодекса, и изданъ имъ въ латинскомъ переводѣ. Въ немъ излагается христіанское ученіе о Троицѣ,—о томъ, что въ Божествѣ три лица, Отецъ, Сынъ и Духъ, и всѣ они составляютъ одво существо, что лице Сына соединяетъ въ себѣ божество и челоувѣчество, но Троица чрезъ это не получила никакого приращенія, и осталась такою же Троицею, какою была прежде; далѣе исповѣдуется непостижимость и неизреченность рожденія Сына отъ Отца, и объясняется, что Сынъ рожденъ прежде всей твари, вѣчный отъ вѣчнаго, какъ источникъ отъ источника, и свѣтъ отъ свѣта; это Слово Божіе, совѣчное Отцу и не отдѣлимое отъ Него, создало небо и землю, и чрезъ Него сотворено все существующее. Будучи не отдѣлимо отъ Отца и вмѣстѣ съ Отцомъ не имѣя начала бытія, Оно приняло нашу природу отъ Маріи Дѣвы, и послѣ этого по своей божественной природѣ осталось также равно Отцу и также не отдѣлимо отъ Него, какъ было до восприятія нашего естества, а по челоувѣчеству стало совершенно равно намъ; вмѣстѣ съ этимъ Оно, по божественной природѣ, равно Святому Духу и не отдѣлимо отъ Него. И не двѣ, но одна природа Святой Троицы была до воплощенія Сына Слова; и одна осталась природа Святой Троицы послѣ

¹⁾ P. c. c. T. X. col. 1197.

²⁾ Mai, Spicil. Rom. t. III, p. 696. P. c. c. T. X. col. 1123—6.

воплощенія Сына... Въ этомъ отрывкѣ нѣтъ ничего такого, что давало бы поводъ заподозривать его подлинность или принадлежность св. Григорію Чудотворцу. Тѣмъ менѣе можно отрицать его подлинность, что, по указанію св. Григорія Нисскаго, соименный ему Григорій Чудотворецъ проповѣдалъ въ церкви первѣе всего ученіе о Трїединомъ Богѣ. Онъ получилъ чудеснымъ образомъ изъясненіе тайны благочестія отъ св. Іоанна Богослова, которое заключилъ въ своемъ извѣстномъ символѣ, передающемъ ученіе о единосущіи и взаимномъ отношеніи трехъ лицъ Божества, и по словамъ Григорія Нисскаго, „по оному послѣ проповѣдывалъ слово Божіе въ церкви“¹⁾. Очень можетъ быть, что отрывокъ, упомянутый нами, есть остатокъ, сохранившійся до насъ отъ многихъ его бесѣдъ, посвященныхъ этому предмету. Намъ кажется подозрительнымъ только то обстоятельство, что этого отрывка нѣтъ въ греческихъ кодексахъ. Можетъ быть, это варіація его символа, сдѣланная кѣмъ либо другимъ, жившимъ послѣ св. Григорія Чудотворца, а ему приписанная на основаніи нѣкотораго сходства въ его содержаніи съ содержаніемъ извѣстнаго символа св. Григорія Неокесарійскаго.

Но хотя у насъ нѣтъ подъ руками несомнѣнно подлинныхъ памятниковъ проповѣдничества св. Григорія Чудотворца, мы однако не лишены возможности составить болѣе или менѣе точное понятіе о степени и достоинствѣ ораторскаго таланта святаго отца, нами характеризуемаго. Достаточную замѣну утерянныхъ его проповѣдническихъ произведеній представляетъ дошедшее до насъ его знаменитое „прощальное и похвальное слово Оригену, которое онъ говорилъ въ Кесаріи Палестинской послѣ многолѣтнихъ ученыхъ занятій подъ его руководствомъ, когда собирался отправиться въ отечество“²⁾. По свидѣтельству Іеронима³⁾,

¹⁾ Твор. св. Григ. Нисскаго, Ч. 8. стр. 147.

²⁾ Patr. c. compl. T. X. col. 1049—1104.

³⁾ Книга о знан. мужахъ, LXV.

это благодарственное слово своему учителю св. Григорій произнесъ „въ присутствіи самого Оригена, созвавъ для этого весьма многолюдное собраніе“. Это слово св. Григорія Оригену заслуживаетъ особеннаго вниманія. Мало того, что оно единственное подлинное ораторское произведеніе такого великаго мужа, каковымъ былъ въ церкви III вѣка св. Григорій Чудотворецъ. Оно отличается высокими ораторскими достоинствами. Хотя авторъ называетъ себя въ немъ чуждымъ искусству языка и говорить, что онъ въ продолженіе восьми лѣтъ жилъ вдали отъ всякихъ занятій краснорѣчіемъ, но это смиренное сознаніе своей неумѣлости или своей слабости въ ораторскомъ дѣлѣ было обычно у риторовъ того времени, и предписывалось тогдашнею риторикою, какъ наиболѣе приличное содержаніе для приступа парадной рѣчи. На самомъ дѣлѣ св. Григорій въ панегирикѣ Оригену показываетъ себя великимъ мастеромъ слова: въ немъ такое ровное, спокойное и обильное теченіе рѣчи, такая обработанность слова, такое аттическое изящество и благородство выраженія, чуждое всякой напыщенности, что подъ нимъ не постыдился бы подписать свое имя самый первоклассный греческій ораторъ. Такъ говорить, какъ говорить въ этомъ словѣ св. Григорій, можетъ только человѣкъ высокаго таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ широкаго и въ частности ораторскаго образованія. Исторія христіанскаго краснорѣчія за одно это слово должна ставить высоко св. Григорія Чудотворца. Въ третьемъ вѣкѣ это безъ сомнѣнія замѣчательнѣйшій и достойнѣйшій представитель ораторства, и изъ отцовъ и писателей, ему современныхъ, никто не можетъ равняться съ нимъ въ искусствѣ слова. Будучи высокимъ по своему ораторскому достоинству, это слово замѣчательно еще тѣмъ, что въ исторіи христіанскаго панегирическаго краснорѣчія оно первое по времени своего появленія, иля, говоря точнѣе, старѣйшее въ хронологическомъ порядкѣ изъ дошедшихъ до насъ похвальныхъ отеческихъ словъ. Въ IV вѣкѣ былъ полный разцвѣтъ панегирическаго краснорѣчія, и каждый

изъ замѣчательнѣйшихъ отцовъ этого вѣка оставилъ намъ нѣсколько произведеній подобнаго рода. Исторія проповѣди посвящаетъ много вниманія этимъ блестящимъ произведеніямъ церковнаго ораторства IV вѣка, но признавая за ними высокое достоинство слова, она не можетъ обходить вниманіемъ подобнаго произведенія III вѣка, представляющаго первый образецъ панегирика въ христіанскомъ обществѣ, тѣмъ болѣе, что въ III вѣкѣ оно стоитъ одиноко и не имѣетъ равныхъ себѣ по достоинству. Независимо отъ своего ораторскаго достоинства и своего старшинства въ ряду панегирическихъ произведеній отеческой литературы, слово Григорія Оригену имѣетъ интересъ историческій и гуманистическій. Оно уясняетъ то обаяніе, какое производилъ на своихъ современниковъ величайшій умъ третьяго вѣка—Оригенъ, и показываетъ ту широту и разносторонность образованія, какую сообщалъ своимъ слушателямъ этотъ великій учитель, а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ понятіе о томъ знаніи, съ какимъ выступали на служеніе церкви и вѣрѣ лучшіе изъ людей, призываемыхъ ратовать за имя Христово, стоявшіе на верху христіанскаго общества того вѣка. А если мы обратимъ вниманіе на то положеніе, въ которомъ Григорій говорилъ свое слово, то увидимъ въ немъ изящнѣйшее выраженіе благородныхъ человѣческихъ чувствъ. Григорій говорилъ свое благодарственное слово Оригену, оставляя его школу и прощаясь съ своимъ учителемъ, наставленіями котораго онъ пользовался въ теченіе пяти лѣтъ, и эта прощальная рѣчь Григорія—образцовая рѣчь, которая можетъ быть достойнымъ примѣромъ для учениковъ всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Едва ли возможно ученику лучше отнестись къ своему учителю, изящнѣе и деликатнѣе выразить предъ нимъ чувства своей привязанности и признательности, какъ отнесся при прощаніи къ Оригену, и какъ выразилъ предъ нимъ свою благодарность св. Григорій, впоследствии епископъ неокесарійскій. Какое благородство души! Какія добрыя и вѣжныя чувства! Какое глубокое уваженіе къ своему учителю и какая пре-

данность ему! Ученикъ скорбитъ при разлукѣ съ своимъ учителемъ, который сообщалъ ему самое драгоценное для жизни, при которомъ мирно жилось ему, и въ избыткѣ предлагались духовныя блага; и въ тоже время не находить словъ, чтобы воздать ему достойную дань благодарности. Изящное выраженіе благороднаго чувства ученика къ учителю въ словѣ св. Григорія, въ нашихъ глазахъ, возвышается еще отъ того, что въ немъ заявляетъ себя сильное религиозное убѣжденіе. Приступая къ выраженію признательности своему учителю, авторъ первымъ долгомъ своимъ поставляетъ вождь благодареніе Богу, устрояющему пути наши, и часто противъ воли нашей ведущему насъ ко благу, и дѣло промышленности Божія видитъ въ случайной встрѣчѣ съ великимъ мужемъ.

По этимъ разнообразнымъ достоинствамъ, какими отличается панегирическое слово св. Григорія Оригену, мы считаемъ неизлишнимъ привести здѣсь это слово, хотя съ значительными сокращеніями (оно очень велико по объему), тѣмъ болѣе, что оно неизвѣстно въ русскомъ переводѣ.

І. „Если для многихъ другихъ часто прекраснымъ дѣломъ служить молчаніе, то въ особенности оно прилично нынѣ мнѣ,—мнѣ, который, волею или неволею, имѣю замкнутыя уста и нахожу побужденіе къ молчанію. Я не упражнялся въ краснорѣчїи, и совершенно не владѣю тою изящною и украшенною рѣчью, которая употребляетъ отборныя и изысканныя слова и реченія, и которая въ своемъ теченіи слѣдуетъ нѣкоторому особенному стройному грамматическому порядку; а, можетъ быть, и по природѣ я не предрасположенъ къ этому предестному и истинно еллинскому искусству. Уже восемь лѣтъ я не говорилъ и не писалъ никакой, ни длинной, ни короткой рѣчи, и не слышалъ никого другаго, въ частномъ ли кругу пишущаго и произносящаго, или публично декламирующаго панегирическаго и состязательнаго рѣчи, а имѣлъ дѣло только съ этими удивительными людьми, всецѣло преданными прекрасному любо-

мудрію, у которыхъ меньше было заботы о благозвучіи и изяществѣ словъ, и которые, произнося звуки, имѣли въ виду только то, чтобы ими точнѣе указать и выразить самыя дѣла, каково каждое изъ нихъ.

II. Но если что въ особенности отклоняетъ меня отъ рѣчи и побуждаетъ меня хранить молчаніе, то это самый предметъ, о которомъ я предположилъ говорить,—намѣреваюсь и боюсь. Я думаю говорить о мужѣ, который повидимому человекъ и такимъ является, но который могущимъ видѣть величіе его природы представляется вполне приготовленнымъ къ переселенію въ божественный міръ. Я не намѣренъ говорить ни о родѣ, ни о воспитаніи тѣлесномъ, ни о силѣ, ни о красотѣ... А что въ немъ богоподобнаго, что приближающаго къ Богу заключено въ его видимой и смертной природѣ, что влечетъ его неудержимо къ уподобленію Богу,—вотъ о чемъ я думаю. Я намѣреваюсь коснуться великихъ дѣлъ, и при этомъ возблагодарить Бога за то, что мнѣ даровано встрѣтиться съ этимъ мужемъ, сверхъ всякаго чаянія людей, какъ другихъ, такъ и меня самого, никогда не предполагавшаго и никогда не надѣявшагося ни на что подобное, и вотъ я, малый и неразумный, намѣреваюсь коснуться такихъ вещей, неосмотрительно выступаю, и стѣсняюсь, и желалъ бы лучше молчать. И хранить молчаніе мнѣ кажется безопаснѣе всего: иначе, подъ предлогомъ благодарности, по своей неразумности говори о великихъ и священныхъ вещахъ слабо и недостойно, я не только не достигну истины, но изображая ихъ по своему разумнію, могу унижить ихъ въ глазахъ другихъ, которые подумаютъ, что въ самомъ дѣлѣ онѣ таковы, тогда какъ слабая рѣчь скорѣе исказила ихъ, не могши сравниться въ силѣ съ дѣлами. Но твои доблести, дорогая глава, не могутъ быть ни умалены, ни закрыты: въ нихъ, какъ онѣ явятся, скорѣе видно божественное и непоколебимое, и ничто изъ нихъ не можетъ быть умалено нашею слабою и недостойною рѣчью...

III. Страшнымъ дѣломъ мнѣ кажется неблагодарность, страшнымъ и весьма страшнымъ. И если облагодѣльствованный не старается возблагодарить за благодѣяніе по крайней мѣрѣ словомъ, когда не можетъ сдѣлать этого иначе, то это признакъ человѣка или безумнаго или не чувствительнаго къ благодѣяніямъ, или забывчиваго. А у кого есть чувство и сознаніе полученнаго благодѣянія, тотъ, если не сохраняетъ памяти о немъ въ послѣдующее время, и если не приноситъ какимъ нибудь образомъ благодарности оказавшему благо, тотъ и грубъ, и не благодаренъ, и нечестивъ и виновенъ въ преступленіи, котораго нельзя простить ни великому, ни малому... Великіе, одаренные талантами душевными, должны по силамъ воздавать своимъ благодѣтелямъ великія и блистательныя похвалы, соотвѣтственно большому избытку и великому богатству, имъ данному; а малымъ и сидящимъ въ тѣснотѣ не нужно ни беспокоиться о себѣ, ни нерадѣть о долгѣ, ни падать духомъ отъ того, что они не могутъ принести ничего достойнаго. Какъ бѣднымъ, но благодарнымъ, имъ нужно воздавать честь своему благодѣтелю по мѣрѣ своихъ силъ, соразмѣряя приношеніе не съ богатствомъ того, котораго чтутъ они, а съ своимъ собственнымъ имуществомъ, и это приношеніе ему, можетъ быть, будетъ приятно и вожделѣнно не менѣе великихъ и крупныхъ приношеній, если только приносится съ большимъ усердіемъ и отъ чистаго сердца. Такъ въ священныя книги разсказывается, что когда одна незначительная и бѣдная жена, наряду съ богатыми и знатными, приносившими отъ избытка своего великіе и значительныя вклады, положила одну самую малую лепту, но принесла все, что имѣла, то заслужила похвалу за то, что ея даръ больше другихъ. Священное Писаніе, какъ видно, достоинство и величіе дара измѣряетъ не количествомъ приносимаго вещества, внѣшняго человѣку, но расположеніями и намѣреніями приносящаго. Итакъ не нужно намъ уклоняться отъ выраженія благодарности изъ-за

напраснаго страха о томъ, что наша благодарность не можетъ сравняться съ благодѣяніями; но напротивъ намъ нужно возымѣть смѣлость и постараться воздать если не равныя почести, то по крайней мѣрѣ такія, какія мы можемъ привести. Если наша рѣчь не выразитъ всего, что требуется, по крайней мѣрѣ она коснется въ некоторой части дѣла, и насъ освободитъ отъ вины въ неблагодарности. Безчестно по истинѣ совершенное молчаніе; такъ какъ легковѣрному дается поводъ думать, будто нельзя сказать ничего достойнаго; а доброе дѣло попытка привести воздаяніе, хотя бы сила приносящаго благодарность была ниже достоинства и заслуги, вызывающихъ благодарность. Повтому я не буду молчать, хотя и не могу говорить соотвѣтственно съ достоинствомъ хвалимаго; но буду гордиться, если представлю все, что отъ меня возможно. Итакъ настоящая моя рѣчь дань благодаренія...

IV. Отъ Бога нисходятъ къ намъ всѣ блага, и съ Него должно начинать намъ свои благодаренія, гимны и хвалы... Вознесемъ же первѣе всего наши хвалы и величанія Царю и Попечителю всѣхъ, не изсякаемому источнику всѣхъ благъ, который и въ настоящемъ случаѣ врачуетъ вашу немощь, и который одинъ можетъ восполнить недостающее. Вознесемъ хвалы Ходатаю и Спасителю душъ нашихъ, едиnorodному Слову Его, Зиждителю и Правителю всѣхъ... Признавая Его общимъ правителемъ всѣхъ людей, мы въ частности исповѣдуемъ Его своимъ руководителемъ, отъ дней нашего дѣтства. Онъ всегда былъ благимъ питателемъ и попечителемъ нашимъ, и какъ прежде, такъ и нынѣ, меня и питаетъ, и наставляетъ и руководитъ. Кромѣ всего прочаго Онъ устроилъ для меня и то, что я сблизился съ этимъ мужемъ, что для меня важнѣе всего. Ни родомъ, ни кровною человѣческою связью я не былъ связанъ съ нимъ, и не имѣлъ къ нему другихъ близкихъ отношеній,— не былъ его землякомъ и совершенно не принадлежалъ къ одному съ нимъ племени (что у многихъ изъ людей бываетъ

поводомъ къ дружбѣ и единенію). Но божественное и премуудрое промышленіе привело въ одно мѣсто людей незнакомыхъ, далекихъ, чужестранныхъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго, которыхъ раздѣляли цѣлыя страны и множество горъ и рѣкъ, и устроило чрезъ то для меня это спасительное соединеніе: къ этому единенію, полагаю, оно свыше направляло меня отъ первыхъ дней моего рожденія и воспитанія. Какъ это случилось, долго было бы объ этомъ вспоминать, хотя бы и не пытался все подробно пересказать, ничего не опуская; но оставляя многое, я вкратцѣ хотѣлъ бы припомнить хоть немного.

V. Первое мое воспитаніе было подъ руководствомъ родителей; отеческіе нравы управлялись языческими заблужденіями. Освободиться отъ нихъ намъ никто другой, думаю, не считалъ бы возможнымъ, да и у меня не было надежды на это, когда я былъ малосмысленнымъ отрокомъ, и отцомъ своимъ воспитаъ въ суевѣрномъ почтеніи къ демонамъ. Затѣмъ послѣдовала смерть отца и сиротство: здѣсь, можетъ быть, было положено для меня начало познанія истины. Тогда въ первый разъ я обратился къ спасительному и истинному слову, не знаю, какимъ образомъ—кажется, болѣе по принужденію, чѣмъ добровольно. Ибо какое у меня могло быть сужденіе, когда всего мнѣ было четырнадцать лѣтъ?... Оставшаяся послѣ отца мать наша, заботясь о насъ, хотѣла, чтобы мы, изучая другія науки, какія обыкновенно изучаютъ дѣти благородно рожденные и воспитанные, въ тоже время ходили и къ ритору, въ тѣхъ видахъ, чтобы самимъ намъ быть риторамі. И вотъ мы ходили къ ритору, и о насъ говорили, что мы скоро будемъ риторамі. Но я не зналъ объ этомъ, и не хотѣлъ этого. Между тѣмъ не было никакого основанія, не было еще никакихъ причинъ, которыя могли бы направить насъ сюда. Но надо мною бодрствовалъ тотъ неусыпный божественный Педагогъ и истинный Попечитель, о чемъ не помышляли мои домашніе, и чего не предполагалъ и я самъ. Онъ внушилъ одному изъ

моихъ учителей, (приглашенному для наученія меня латинскому языку...) предложить мнѣ изученіе у него римскихъ законовъ. И прекрасно велъ это дѣло мужъ тотъ, и я повиновался скорѣе изъ благодарности ему, чѣмъ изъ любви къ той наукѣ. Принявши меня въ свои слушатели, очень усердно онъ началъ учить меня. Высказывалъ онъ то, что мнѣ казалось самою несомнѣнною истинною, то есть, что изученіе законовъ самый необходимый запасъ для жизненной дороги (это выраженіе именно онъ употребилъ), захотѣлъ ли бы я, какъ риторъ, вступить въ число тѣхъ, которые состязаются въ судахъ, или избрать какую либо другую карьеру. Такъ онъ выражался, рассуждая по человѣчески; а мнѣ кажется, онъ высказывалъ свое мнѣніе, руководимый нѣкимъ божественнымъ внушеніемъ, котораго онъ и не подозрѣвалъ. Но послѣ того, какъ я волею или неволею изучилъ эти законы, тотчасъ же брошена какъ бы нѣкая связь,—явилась причина и поводъ къ посѣщенію этихъ странъ, именно городъ Беритъ: недалеко отсюда лежитъ этотъ латинствующій городъ, и въ немъ есть славное училище римскихъ законовъ. А этого святого мужа изъ Египта, изъ Александріи, гдѣ прежде онъ имѣлъ пребываніе, привлекли и переселили сюда другія дѣла, какъ бы навстрѣчу мнѣ... Однако причина, заставившая меня отправиться въ римскій городъ для изученія законовъ, еще не давала мнѣ прямого повода придти сюда и сойтись съ этимъ мужемъ. Какъ же это случилось? Начальникъ Палестины нечаянно пригласилъ съ собою моего родственника, мужа моей сестры, и привезъ сюда его одного, неволью разлученнаго съ супругою, съ тѣмъ, чтобы онъ помогалъ ему и участвовалъ въ дѣлахъ управленія народнаго: онъ былъ хорошій правовѣдъ. Но отправившись сюда одинъ, онъ, чувствуя тяжесть разлуки съ своею супругою, въ скоромъ времени возымѣлъ намѣреніе призвать ее къ себѣ, а вмѣстѣ съ нею и насъ привлечь сюда. И вотъ, когда мы собирались въ путь, только не сюда, а скорѣе въ другія мѣста, вдругъ

неожиданно является къ намъ солдатъ съ повелѣніемъ проводить къ мужу и всячески охранять въ дорогѣ сестру нашу, а вмѣстѣ пригласить и насъ быть спутниками ей. Нельзя было не удовлетворить желанію зятя, а еще болѣе желанію сестры (чтобы ея путешествіе было болѣе прилично и болѣе безопасно), тѣмъ болѣе, что домашніе и родные побуждали насъ къ этому, и представляли намъ, что, отправившись въ этотъ путь, мы кстаті потому приѣдемъ въ Берить, для продолженія и окончанія въ немъ изученія законовъ. Итакъ все насъ располагало къ этому пути, и долгъ по отношенію къ сестрѣ, и наше стремленіе къ изученію законовъ. Къ тому же присланный солдатъ (когда сдѣлано было упоминаніе объ этомъ) сказалъ, что онъ имѣетъ полномочіе пользоваться болѣшимъ количествомъ общественныхъ экипажей, и дорожную не на одну сестру нашу, а на большее число насъ. Такъ дѣло стояло повидимому; а сокровенная, но болѣе истинная суть дѣла была другая: этотъ путь, во благо намъ, велъ насъ, слѣпотствующихъ и невѣдущихъ, къ общенію съ этимъ мужемъ, къ истинному познанію чрезъ него Слова, къ пользѣ и ко спасенію нашихъ душъ. И не воинъ привелъ насъ сюда, а тотъ божественный Спутникъ, тотъ добрый Проводникъ и Стражъ, который охраняетъ насъ въ теченіе всей нашей жизни, какъ бы во время длиннаго странствованія. Онъ все дѣлалъ и располагалъ такъ, чтобы мы наконецъ какимъ бы то ни было образомъ сошлись съ этимъ виновникомъ многихъ благъ, нами воспринятыхъ. И сей божественный Ангелъ, пришедшій для этого сюда, здѣсь, можно полагать, успокоился, передавъ этому мужу попеченіе о насъ,—успокоился не потому, чтобы утомился отъ какого-либо труда или напряженія (ибо не утомляется родъ божественныхъ служителей), но потому, что передалъ насъ челоуѣку, который въ состояніи оказать намъ всякое промышленіе и попеченіе о насъ, какое только возможно.

VI. И онъ, воспринявши насъ съ перваго дня (настоящаго для меня перваго дня, лучшаго, нужно сказать, всѣхъ

дней, когда для меня въ первый разъ начало восходить истинное солнце), разомъ привязалъ насъ къ себѣ, и мы оказались какъ какіе нибудь полевые звѣри, или рыбы, или птицы, попавшія въ сѣть или нѣтку, старались ускользнуть и убѣжать отъ него, помышляли удалиться отъ него въ Беритъ или на родину,—и не могли. Онъ дѣйствовалъ на насъ, приводя всяческія слова, употребляя разные обороты и направляя сюда всѣ свои силы. То онъ хвалилъ любителей философіи, выставляя многія и великія выгоды отъ нея,—напримѣръ говорилъ, что тѣ одни ведутъ жизнь, приличную разумнымъ существамъ, которые стараются правильно устроить ее и заботятся познать первѣе всего самихъ себя, кто они, потомъ настоящее благо, къ которому должно стремиться человѣку, и истинное зло, котораго должно избѣгать. То онъ порицалъ невѣжество и всѣхъ невѣждъ: много такихъ (говорилъ онъ), которые, подобно скотамъ, слѣпотствуя умомъ, не знаютъ того, что они такое, и блуждаютъ, какъ лишенные разума, совершенно не знаютъ, и не хотятъ знать, что благо, и что зло, считаютъ за благо деньги, славу, честь у народа, здоровье тѣлесное, и гоняются за всѣмъ этимъ, то есть, цѣня это выше многого и всего, они устремляются къ тѣмъ знаніямъ, которыми могутъ достигаться эти мнимыя блага, избираютъ такіе роды жизни, которые ведутъ къ нимъ,—военный, судебный и изученіе законовъ. Я не могу рассказать теперь всѣ доводы, какіе онъ приводилъ, убѣждая насъ къ философствованію; ибо не въ одинъ только день, но и въ многіе слѣдующіе, какъ мы приходили къ нему въ началѣ, онъ поражалъ насъ своимъ словомъ, какъ какою либо стрѣлою, и мы колебались и не рѣшались, думали предаться любознанию, но совершенно не убѣждались и не склонялись къ тому, между тѣмъ (не знаю, почему) не могли его оставить: всякій разъ онъ притягивалъ насъ къ себѣ своими словами, какъ нѣкоею непобѣдимую силою. Онъ утверждалъ, что безъ философіи нельзя быть и истинно религіознымъ и бла-

оговѣнно чтить Господа всѣхъ. И многія другія рѣчи говорилъ онъ намъ, и какъ будто волшебствомъ какимъ очаровалъ онъ насъ, и лишивъ насъ произвольнаго движенія, привязалъ насъ къ себѣ своими словами (не знаю, какимъ образомъ), какъ какою-то божественною силою... Какъ будто искра какая, попавшая въ глубину души моей,—возгорѣлась и воспламенилась во мнѣ любовь какъ къ предлебезнѣйшему священному слову, привлекающему всѣхъ своею неизреченною красотою, такъ и къ этому мужу, его любителю и толкователю. Сильнѣйшимъ образомъ увлеченный ею, я рѣшился бросить всѣ занятія и науки, которыя казались намъ наиболѣе приличными и нужными, какъ другія, такъ между прочимъ и самыя мои любезныя законы,—рѣшился бросить вмѣстѣ съ тѣмъ и отечество и своихъ родныхъ, какъ здѣшнихъ, такъ и тѣхъ, отъ которыхъ я отлучился. Одно только для меня стало возжелѣннымъ и любезнымъ,—именно философія и ея учитель, этотъ божественный мужъ. *И прильпнулась душа Ионаана къ душѣ Давида* (1 Цар. XVIII, 1)... И не только прильпнулась душа Ионаана къ душѣ Давида; но даже она, принуждаемая какою-то силою, невольно оставила то, что для нея было самаго дорогаго, и съ чѣмъ она обыкновенно не легко расстаётся...

VII. Поступая съ нами въ самомъ началѣ такимъ образомъ, и со всѣхъ сторонъ обходя насъ, онъ достигъ многого, и нами рѣшено было остаться при немъ. Тогда онъ сталъ обращаться съ нами, какъ обращается какой нибудь добрый земледѣлецъ съ землею неподѣланною и никогда не приносявшею плода, сухою, растрескавшееся отъ зноя и каменистою, или съ землею, хотя не безплодною, но совершенно заросшею, оставленною въ небреженіи и запущенною, заглушенною терніемъ и другими негодными растеніями, или какъ обращается садовникъ съ деревомъ дивнымъ и не приносящимъ сладкихъ плодовъ, но не совершенно бесполезнымъ, если привить къ нему хорошій ростокъ, расщепить его и связать, чтобы они оба вмѣстѣ возрастали и

питались. Такими онъ принялъ насъ, и при своей необыкновенной зоркости онъ не только совершенно ясно видѣлъ то, что открыто для всѣхъ глазъ и лежитъ на поверхности, но проникалъ глубже и узнавалъ самое современное внутри. Онъ спрашивалъ, предлагалъ на разрѣшеніе разные вопросы и выслушивалъ наши отвѣты и сужденія. Когда онъ узнавалъ, что въ насъ есть нѣчто годное и полезное, то началъ копать, переворачивать, поднимать почву души нашей, все приводилъ въ движеніе, и употреблялъ все свое искусство и попеченіе, чтобы воспитать, исправить и усовершенствовать насъ. Своими обличеніями и увѣщаніями онъ вырывалъ изъ насъ тернія и волчцы и всякій родъ дикихъ травъ и кустарниковъ, какими заглушена была душа наша. Онъ употреблялъ съ нами методъ сократическій, и то искусно поражалъ насъ своимъ словомъ, то предоставлялъ намъ свободу и смотрѣлъ на насъ, какъ на дикихъ коней, бѣгущихъ не по дорогѣ и безразсудно кружащихся туда и сюда, потомъ представляя какое либо неотразимое доказательство и увѣжденіе, своею рѣчью, какъ уздою, успокаивалъ насъ и заставлялъ повиноваться себѣ... Когда приготовилъ онъ насъ и сдѣлалъ способными къ принятію словъ истины, началъ онъ благовременно и щедро сѣять въ насъ сѣмена, какъ въ хорошо обработанную землю, мягкую и приготовленную къ произращенію брошенныхъ въ нее сѣмянъ,—благовременно прилагалъ и всякое другое попеченіе къ нашему усовершенствованію; тонкими рѣчами и оборотами изошрялъ то, что было тупаго въ душѣ нашей, и уменьшалъ и изгонялъ изъ нея то, что было въ ней ложнаго. Развиваясь однѣ изъ другихъ, начиная отъ самыхъ простѣйшихъ, и различно обращаясь, эти рѣчи составляли какое-то удивительное и неизъяснимое сочетаніе: возбуждая насъ какъ бы отъ сна, онѣ приковывали насъ къ предмету разсужденія, и не была для насъ тяжела и утомительна ни ихъ высота, ни ихъ утонченность. Далѣе, онъ очищалъ и исправлялъ то, что въ насъ было неосновательнаго и

опрометчиваго, когда мы соглашались съ тѣмъ, что намъ представляли, не смотря на то, каково это, хотя бы оно было и ложно, или когда противорѣчили слышанному нами, хотя бы то было истинно, исправляя какъ тѣми, о какихъ мы говорили, такъ и другими различными рѣчами, приучая насъ не давать безразсудно согласія и послѣ брать его назадъ, какъ это случалось, но тщательно испытывать не только явное, но и сокровенное...

VIII. И не эту одну часть, которую діалектика призвана исправлять, онъ очищалъ и усовершеншалъ въ насъ; онъ возбуждалъ и исправлялъ другими физическими науками еще и ту подлинно смиренную часть нашей души, которою мы съ изумленіемъ смотримъ на великолѣпіе и удивительное строеніе, на это разнообразное и мудрѣйшее образованіе міра, неразумно удивляемся всему этому, въ ужасѣ повергаемся предъ всѣмъ этимъ, и ничего не понимаемъ, смотря на все это, подобно звѣрямъ, не имѣющимъ разума. Онъ объяснилъ и обсуждалъ каждую изъ вещей, существующихъ въ природѣ, своимъ мудрымъ словомъ привыкалъ до самыхъ первыхъ элементовъ и раскрывалъ послѣдовательно природу какъ цѣлой вселенной, такъ и каждой части ея, истолковывалъ многообразныя превращенія и измѣненія вещей, пока мудрымъ своимъ ученіемъ и ясными представленіями (изъ которыхъ однимъ онъ научился прежде, а до другихъ самъ дошелъ) о священномъ домостроительствѣ вселенной и совершенствѣ природы, не вложилъ въ ваши души, вмѣсто неразумнаго изумленія, разумное удивленіе природѣ. Въ этомъ состоитъ возвышенная и боже венная наука, всѣмъ весьма любезная наука о природѣ (физика). Нужно-ли теперь еще упоминать о священной математикѣ? О всѣмъ пріятной и отличающейся точностію геометріи, и о парящей въ высоту астрономіи? Всѣ эти науки онъ видѣралъ въ ваши души, уча, возобновляя въ памяти, (не умѣю надлежащимъ образомъ выразить этого). Геометрію онъ полагалъ, какъ непоколебимое основаніе и твердый

фундаментъ всего; астрономію, какъ бы нѣкою гѣствицею, досагающею до небесъ, онъ велъ насъ къ возвышенному; тою и другою наукою онъ дѣлалъ для насъ доступнымъ небо.

IX. Но гораздо важнѣе всего то, о чемъ болѣе всего хлопочетъ весь родъ философскій, съ разнообразнаго сада всѣхъ прочихъ наукъ и долговременнаго любомудрія собирая добрые плоды,—божественныя добродѣтели, отъ которыхъ зависятъ спокойное и твердое состояніе стремленій души. Онъ старался сдѣлать насъ такими, чтобы мы не возмущались печальми и были свободны отъ всѣхъ дурныхъ страстей, но чтобы всегда соблюдали порядокъ и спокойствіе и были подобны Богу и блаженны. И въ этому онъ велъ насъ своими словами, кроткими и мудрыми, какія мы слышали отъ него о нравахъ и образѣ жизни. И не словами только, но и еще болѣе своими дѣлами онъ возбуждалъ насъ къ добродѣтели и научалъ насъ умѣрять наши страсти. . .

XIII. Минуя другіе труды и занятія, могу ли я выразить словомъ ту мудрость, ту обдуманность и осторожность, съ какою онъ преподавалъ намъ богословіе, и проникнувъ во внутреннее расположеніе этого мужа, указать, съ какимъ умѣньемъ и съ какимъ запасомъ знаній онъ излагалъ намъ свое ученіе о Богѣ, оберегая насъ, какъ бы мы не подверглись какой либо опасности въ этомъ самомъ важномъ и необходимомъ дѣлѣ,—въ познаніи первой Причины всего? Онъ располагалъ насъ такъ философствовать, чтобы мы, собирая всѣ, какія существуютъ, писанія древнихъ философовъ и поэтовъ, ни одного изъ нихъ не устранили и не отвергали (тогда еще мы не могли имѣть самостоятельнаго сужденія) за исключеніемъ тѣхъ, которые принадлежали атеистамъ, отвергавшимъ, вопреки общему здравому смыслу человѣческому, бытіе или провидѣніе Божіе. (Такихъ нельзя читать, чтобы какимъ нибудь образомъ случайно не осквернилась душа наша, собираясь воздать поклоненіе Богу, когда услышитъ слова, противныя богопочтенію. Ибо людямъ, приходящимъ

во храмъ для поклоненія Богу, совершенно нельзя прикасаться ни къ чему нечестивому. Итакъ ни одной изъ этихъ книгъ рѣшительно не должно быть въ рукахъ людей благочестивыхъ). Остальныя сочиненія онъ рекомендовалъ намъ доставать и читать, не предпочитая и не разбирая ни рода, ни достоинства книги, и не обращая вниманія на то, еллинъ или варваръ написалъ ее. Это умно и совершенно справедливо: иначе, если мы выслушаемъ и примемъ за истину одно какое либо мнѣнiе тѣхъ или другихъ, хотя бы въ самомъ дѣлѣ оно не было истиннымъ, и если оно вторгнется въ нашу душу, то оно обольщаетъ насъ и соответственно своему качеству измѣняетъ наши воззрѣнiя, такъ что мы не можемъ ни отстать отъ него, ни измѣнить его; при этомъ съ нами дѣлается тоже, что съ крашеной шерстью, искусственный цвѣтъ которой, разъ ей данный, остается съ нею навсегда. Ибо чрезвычайно сильная и вкрадчивая вещь слово человѣческое: когда оно, приправленное софизмами, достигая до слуха, тогда напечатлѣваетъ и утверждаетъ въ умѣ, что хотеть, и когда оно чѣмъ разъ займетъ кого, тѣ начинаютъ любить то, какъ истину. И оно, часто ложное и обманчивое, остается внутри насъ, и подобно какому нибудь владѣтелю земли, заставляетъ сражаться за себя того, кого обольстило. Легко уловима опять, и весьма подаллива на представленiя и склонна къ соглашенiю душа человѣческая. Прежде, чѣмъ разсудить и изслѣдовать, она весьма безпечно предается ложнымъ представленiямъ и мнѣнiямъ, полнымъ заблужденiя и вовлекающимъ въ заблужденiя принимающихъ ихъ, уклоняясь отъ точнаго испытанiя или по причинѣ тупости и слабости своей или по причинѣ утонченности словъ. Этого мало. Но если бы другое какое либо ученiе захотѣло исправить душу, увлеченную извѣстнымъ мнѣнiемъ, она уже не допускаетъ его и не позволяетъ ему переубѣдить себя, такъ какъ прежде воспринятое мнѣнiе господствуетъ въ ней и управляетъ ею, на подобiе какого либо неутомимаго тирана.

XIV. Любомудрствовать всѣ хотятъ... Но даже отличные, умнѣйшіе и способнѣйшіе изъ еллиновъ обыкновенно такъ философствовали: на что каждый изъ нихъ набредетъ сначала, увлекаемый какимъ либо стремленіемъ, то одно онъ считаетъ истиннымъ, а ученія прочихъ философовъ объявляетъ ложью и глупостію. А съ нами не случилось того, что со многими другими: онъ не склонялъ насъ въ одному какому либо изъ философскихъ ученій, не считалъ справедливыми и не желалъ, чтобы мы останавливались на одномъ ученіи. Напротивъ, онъ проводилъ насъ по всѣмъ ученіямъ, и не хотѣлъ, чтобы какое либо мнѣніе, высказанное еллинами, оставалось намъ неизвѣстнымъ. Но знакомя насъ съ философскими системами, онъ шелъ вмѣстѣ съ нами, или впереди насъ, и какъ бы велъ насъ за руку, какъ это бываетъ во время пути, если встрѣчается гдѣ какая кривизна, или яма, или попадаетса опасное и обманчивое мѣсто. Онъ представлялъ изъ себя опытнаго и искуснаго руководителя, которому, отъ долговременнаго занятія философіей, не было въ ней ничего неизвѣстнаго и незнакомаго, и онъ, твердо стоя на высотѣ, простиралъ оттуда свои руки тѣмъ, которые готовы были погрузиться, и поднимая ихъ вверхъ, спасалъ ихъ отъ опасностей. Что было у каждого философа добраго и истиннаго, то онъ собиралъ и выставлялъ намъ, а что было ложнаго, то онъ, разбирая, отвергалъ, какъ многое другое, такъ въ особенности то, что относится къ богочтенію.

XV. Касательно этихъ человѣческихъ ученій онъ убѣждалъ ни къ одному изъ нихъ не пристращаться, даже хотя бы кого признавали мудрѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Къ одному Богу и Его пророкамъ онъ склонялъ наше вниманіе, и при этомъ самъ толковалъ и объяснялъ, если что въ нихъ было темнаго и прикровеннаго... открывалъ и выводилъ на свѣтъ, если встрѣчались у нихъ какія либо загадки, какъ способнѣйшій и разумнѣйшій ученикъ Божій. И съ его стороны невозможно было превратное или неправильное пониманіе

чего либо, и не было для него ничего непонятнаго: онъ одинъ изъ всѣхъ людей, нынѣ живущихъ, какихъ я зналъ и о какихъ слышалъ отъ другихъ,—одинъ могъ и старался усвоить себѣ и передать другимъ чистый и свѣтлый смыслъ священныя изреченій. Самъ Вдохновитель всѣхъ этихъ изреченій, внушавшій и сообщавшій друзьямъ Божиимъ пророкамъ всякое пророчество и таинственное и божественное слово, и его почтилъ честію друга и избралъ его въ толкователи своихъ прореченій. Что чрезъ однихъ Онъ указалъ только, изъ того чрезъ этого мужа составилъ полное ученіе. Что Онъ, достойнѣйшій всякой вѣры, по царски приказалъ или объявилъ, основанія и смыслъ того Онъ даровалъ изслѣдовать и находить этому мужу, такъ что если встрѣчался съ нимъ человекъ съ иссохшею душою, невѣрующій и вмѣстѣ любознательный, то, научаясь отъ него, необъяснимымъ образомъ невольно долженъ былъ и соглашаться съ нимъ и вѣрить ему, и повиноваться Богу. Такъ сильно говорилъ онъ, думаю я, не иначе, какъ по вдохновенію отъ Духа Божія: таже сила, которая необходима была пророкамъ, необходима и толкователямъ пророковъ; тотъ не можетъ понимать пророка, кому не дастъ разумнѣнія его словъ Духъ, вдохновлявшій пророка. Въ священномъ Писаніи содержится такое изреченіе, что только одинъ тотъ, кто заперъ, можетъ и отворить, и никто другой (Ис. XII, 22. Апок. III, 7): а запертое отворяетъ божественное Слово, когда объясняетъ темное и загадочное. Отъ Бога онъ получилъ этотъ величайшій даръ; съ неба ему ниспосланъ этотъ прекраснѣйшій жребій быть толкователемъ словъ Божіихъ людямъ,—понимать слова Божія, какія Богъ изрекалъ, и разяснять людямъ, какъ они должны понимать ихъ. Потому ничего въ Писаніи не было для него невыясненнаго, ничего сокровеннаго и недоступнаго; и при немъ мы могли понимать всякое слово, и варварское и еллинское, и таинственное и обыкновенное, и божеское и человѣческое, смѣло могли ко всему приступать и все изслѣдовать, всѣмъ насыщаться, и наслаждаться всѣми благами души. Нужно ли

было какое либо древнее свидѣтельство истины, или иное что, въ немъ мы имѣли удивительный и полный запасъ самыхъ прекрасныхъ вещей и обиліе всего. Однимъ словомъ, для насъ это былъ настоящій рай, подобный тому великому раю Божію, въ которомъ намъ не нужно было ни воздѣлывать низшую землю, ни утучнять себя пищею тѣлесною, во въ которомъ съ радостію и удовольствіемъ мы могли возращать и умножать только богатства души нашей, какъ какія либо прекрасныя деревья, или нами самими насажденныя, или всѣяныя въ насъ Виновникомъ всего.

XVI. Этотъ по истинѣ рай утѣхи, эта истинная радость и удовольствіе, которое мы вкушали въ это протекшее время, и притомъ не малое время, весьма не малое,—закроется для насъ, когда мы уйдемъ и переселимся отсюда. И я не знаю, какая неблагопріятная судьба моя или какіе новые грѣхи мои удаляютъ, изгоняютъ меня отсюда. Что мнѣ говорить, я не знаю; развѣ то, что я началъ говорить, какъ второй Адамъ, изгоняемый изъ рай. Какъ хорошо я жилъ, когда въ молчаніи слушалъ слова своего учителя! Какъ полезно было бы мнѣ и теперь хранить молчаніе и въ молчаніи учиться, но не представлять этого новаго зрѣлища, въ которомъ учитель сдѣлался моимъ слушателемъ! Зачѣмъ понадобилась мнѣ эта рѣчь? Зачѣмъ мнѣ произносить настоящія слова, когда мнѣ слѣдовало не уходить отсюда, а оставаться здѣсь? Настоящее мое преступленіе подобно, вѣжеству, тому древнему обольщенію, и на мнѣ тяготѣетъ наказаніе нашихъ праотцевъ. Не оказываю ли я, подобно имъ, преслушанія, когда дерзаю бѣжать отъ голоса Божія, тогда какъ мнѣ слѣдовало бы оставаться и пребывать тамъ, гдѣ слышится этотъ голосъ? Но я удаляюсь отсюда, убѣгая отъ этой блаженной жизни, какъ тотъ древній человекъ, убѣгавшій отъ лица Божія, и возвращаюсь въ землю, изъ которой взятъ. Тамъ я во всѣ дни своей жизни буду воздѣлывать и глодать землю, и она возраститъ мнѣ терніа и волчцы, то есть, тѣ печали и по-

стыдныя заботы, какіи я принужденъ буду нести, оставивши здѣсь прекрасныя и честныя занятія. Я возвращаюсь опять къ тому, что уже оставилъ, возвращаюсь въ землю, изъ которой вышелъ, возвращаюсь къ своему низшему родству и въ домъ отца своего, и при этомъ оставляю добрую страну, которая оказалась для меня настоящею моею родиною, оставляю родныхъ, въ которыхъ я началъ видѣть самыхъ дорогихъ присныхъ души моей, оставляю домъ истиннаго своего отца,—домъ, въ которомъ этого отца благоговѣнно чтутъ и уважаютъ всѣ истинныя его чада, желающія жить вмѣстѣ съ нимъ. А я, непочтительный и недостойный, ухожу отъ нихъ, обращая вспять свои глаза и свои шаги. Есть сказаніе объ одномъ сынѣ, какъ онъ, получивъ отъ отца законную часть имѣнія, принадлежавшаго ему вмѣстѣ съ другимъ его братомъ, захотѣлъ удалиться отъ отца въ чужую страну; живя расточительно, онъ растратилъ и растерялъ отцовское наслѣдіе; тогда, увидя себя въ крайнемъ затрудненіи, онъ нанялся пасти свиней; мучимый голодомъ, онъ вмѣстѣ съ свиньями ѣлъ ихъ пищу, а наконецъ не могъ доставать и такой пищи. Онъ получилъ законное возмездіе за свою невоздержную жизнь, которая довела его до того, что онъ принужденъ былъ вмѣсто обильнаго, истинно царскаго, стола своего отца, довольствоваться такою пищею, какой прежде не могъ и представить,—пищею поденщиковъ и потомъ свиней. Тоже самое, кажется, будетъ и съ нами, удаляющимися отсюда, и притомъ не со всею долею имущества, намъ принадлежащаго. Мы не беремъ съ собою того, что намъ нужно, и однако удаляемся отсюда,—у тебя и съ тобою мы оставляемъ самое дорогое и лучшее, а мѣняемъ это на худшее. Насъ ожидаютъ всяческія скорби,—смуты и безпокойства вмѣсто мира, и вмѣсто спокойной и правильной жизни жизнь безпорядочная, вмѣсто настоящей свободы тяжелое рабство, судилища, тяжбы и споры, и у насъ не будетъ уже прежнихъ удовольствій и досуга для лучшихъ

занятій. Не о божественныхъ дѣлахъ мы будемъ говорить; а мы будемъ говорить о дѣлахъ людскихъ, и (что покажется страннымъ мужу пророческаго духа) мы должны будемъ заниматься дѣлами дурныхъ людей. По истинѣ вмѣсто дня насъ срѣтитъ ночь, вмѣсто яснаго свѣта тьма, вмѣсто радости печаль, вмѣсто отечества враждебная страна, на которой миѣ нельзя будетъ пѣть священныхъ пѣсней, а только плакать и вздыхать, вспоминая оставшихся здѣсь, если и это миѣ будетъ дозволено. Мы читаемъ¹⁾, что некогда враги, напавши на великій и священный городъ, въ которомъ чтили Бога жителей его, и между ними и пѣвцовъ и богослововъ, плѣнными отвели въ свою страну,— страну Вавилонскую, и они, пока держали ихъ въ плѣну, не хотѣли ни пѣть божественныхъ пѣсней, когда просили ихъ о томъ плѣнныи ихъ, ни играть на органахъ въ землѣ нечестивой, но свои музыкальныя арфы повѣсили на вербахъ, а сами плакали на рѣкахъ Вавилонскихъ. Кажется, и я одинъ изъ числа людей, подобныхъ этимъ плѣнникамъ, невольно изгоняемый изъ этого священнаго города и отечества (гдѣ день и ночь возвѣщается божественный законъ, поются священные гимны и пѣси, и ведутся таинственные рѣчи, гдѣ свѣтитъ свѣтъ свѣтлѣе свѣта солнечнаго, и днемъ, когда мы бесѣдуемъ о божественныхъ тайнахъ, и ночью, когда мы своимъ воображеніемъ воспроизводимъ то, что душа видѣла и совершила во время дня,—гдѣ, однимъ словомъ, постоянно вѣетъ всюду божественное дуновеніе). Изъ такого города я изгоняюсь и, какъ плѣнникъ, влекусь въ чужую страну. Тамъ миѣ невозможно будетъ ни пѣть, ни играть на арфѣ, и я повѣшу на вербахъ свои органы, подобно тѣмъ вавилонскимъ плѣнникамъ, и я буду сидѣть на рѣкахъ, буду трудиться надъ грязью, и не захочу пѣть гимновъ, хотя и буду помнить ихъ, а можетъ быть, отъ долговременнаго занятія другими предметами, и совсѣмъ

¹⁾ Псал. СХХХVІ.

забуду ихъ, и у меня пропадетъ память о нихъ. О, еслибы я еще невольню, какъ плѣнникъ, уходилъ отсюда! Но я ухожу добровольно, гонимый не другимъ кѣмъ, а самымъ собою, когда мнѣ можно бы оставаться здѣсь. Уходя отсюда, какъ бы оставляя безопасный и мирный городъ, можетъ быть, я пускаюсь въ опасный путь; можетъ статья, во время пути я попадусь разбойникамъ, и они схватятъ меня, и обнаживъ меня, нанесутъ мнѣ тяжкія раны и потомъ гдѣ нибудь бросятъ меня и я буду лежать, полумертвый.

XVII. Но зачѣмъ я предаюсь такому плачу? Есть Спаситель всѣхъ, и полумертвыхъ и измученныхъ разбойниками. Попечитель и Врачъ всѣхъ, именно Слово, этотъ неусыпный Стражъ всѣхъ людей. Есть въ насъ и сѣмена, которыя пріобрѣтать ты училъ насъ, и которыя мы восприняли отъ тебя,—именно прекрасныя увѣщанія и предостереженія, съ которыми мы отъ тебя удаляемся. Мы плачемъ, какъ люди, собирающіеся въ далекій и неизвѣстный путь, но эти сѣмена возьмемъ съ собою. Можетъ быть, сохранить насъ Стражъ, бодрствующій надъ нами. Можетъ быть, мы опять возвратился къ тебѣ, и принесемъ плоды и снопы, возросшіе изъ этихъ сѣмянъ,—плоды и снопы, конечно, нисколько не совершенные (можно ли думать о такихъ?), а такіе, какіе намъ возможно будетъ возрастить при занятіяхъ мірскими дѣлами...

XVIII. Здѣсь долженъ быть положенъ конецъ моей рѣчи, которую я осмѣлился говорить предъ тѣмъ, предъ которымъ мнѣ совсѣмъ не прилично говорить. Но я выразилъ, думаю, по мѣрѣ силъ своихъ свои благодарныя чувства. Если я не сказалъ ничего достойнаго (этого великаго мужа), по крайней мѣрѣ не умолчалъ о томъ совершенно. И если кромѣ того я еще и плакалъ, то такъ обыкновенно дѣлаютъ люди, разлучаясь съ друзьями. Я не знаю, нѣтъ ли въ моей рѣчи чего либо дѣтскаго, или льстиваго, или рѣзкаго или излишняго; но я очень хорошо знаю, что въ ней нѣтъ ничего вымышленнаго и ложнаго, но вездѣ одна

истина, какую указывалъ мнѣ здравый умъ и чистое и искреннее сердце.

XIX. Встань, дорогая глава, и теперь уже отпусти насъ, съ мольбами припадающихъ къ тебѣ. Ты сохранялъ насъ своими священными ученіями, когда мы жили при тебѣ, охраняй насъ своими молитвами и послѣ, когда мы разлучимся съ тобою. Передай и поручи насъ приведшему насъ къ тебѣ Богу, во первыхъ благодаря Его за все, что прежде мы видѣли отъ Него, и потомъ умоляя Его и въ будущемъ, постоянно и всюду, руководить насъ, не оставлять насъ своими внушеніями, и всѣвать въ насъ спасительный страхъ свой, который будетъ для насъ самымъ лучшимъ педагогомъ. Молись, чтобы мы, оставивши тебя, получили отъ Него нѣкоторую замѣну и утѣшеніе, именно, чтобы Онъ послалъ намъ Ангела, который былъ бы для насъ добрымъ вождемъ и спутникомъ. Проси еще Его, чтобы Онъ, допускающій наше отшествіе, опять привелъ насъ къ тебѣ: это одно послужить для насъ самымъ лучшимъ утѣшеніемъ.

В. Пъеницкій.